

ОГОНЁК
№ 12 МАРТ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Мурманск. В торговом порту.

Фото М. Савина.

На первой странице обложки: **А. А. Дейнека**. ТРАКТОРИСТ.
Четвертая выставка произведений действительных членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР.

На последней странице обложки: Март в Подмосковье.

Фото Л. Бородулина.

ОГОНЁК № 12 (1553) 17 МАРТА 1957

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СЛОВО ТРУЖЕНИКОВ ЮГА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Товарищ Н. С. Хрущев на расширенном заседании правления колхоза имени Ленина, Кореновского района, Краснодарского края.

Южные районы страны готовятся к весеннему севу. В канун этой важнейшей хозяйственной кампании состоялись два совещания тружеников сельского хозяйства Юга и Северного Кавказа Российской Федерации — в Краснодаре и в Ростове-на-Дону. В работе этих совещаний приняли участие Первый секретарь ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущев, секретарь ЦК КПСС тов. Н. И. Беляев, передовики и специалисты сельского хозяйства, председатели колхозов, директора совхозов и МТС, руководящие партийные и советские работники.

Юг России — Кубань, Дон, Ставрополье, автономные республики Северного Кавказа,— этот обширный край призван внести немалый вклад для увеличения производства зерна, мяса, молока, технических культур. На базе зернового хозяйства колхозы и совхозы Юга должны обеспечить резкий подъем животноводства.

В минувшем году государство получило на миллиард с лишним пудов хлеба больше, чем в 1955 году. Наша страна, как говорил това-

На совещании работников сельского хозяйства Юга и Северного Кавказа. Слева направо: председатель колхоза «Кавказ», Краснодарского края, Н. Г. Табаков, председатель колхоза «Россия», Ставропольского края, Н. Ф. Лыскин и председатель колхоза имени Сталина, Ростовской области, А. П. Чеховский, принявшие новые, повышенные обязательства.

Фото М. Савина.

Никита Сергеевич Хрущев беседует с участниками совещания работников сельского хозяйства Краснодарского края.

Участницы совещания работников сельского хозяйства Юга и Северного Кавказа звеньевая колхоза имени Сталина, Ростовской области, Раиса Кривошеева и доярка колхоза имени Маленкова, Кабардино-Балкарской АССР, Римма Оразаева обмениваются адресами.

рищ Хрущев, решила зерновую проблему, если подходить с точки зрения обеспечения потребностей населения в хлебе. Но в полной мере зерновая проблема может быть решена лишь тогда, когда народ будет в достатке обеспечен животноводческими продуктами.

Перед колхозами и совхозами Краснодарского края поставлена неотложная задача: уже в 1958—1959 годах на 100 гектаров пашни производить свинины не менее 60—70 и даже 80—90 центнеров, а молока на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий — 350—400 центнеров.

О тех возможностях, которые имеют районы Юга и Северного Кавказа, свидетельствует опыт колхоза имени Сталина, Сальского района, Ростовской области, где уже в текущем году была достигнута высокая производительность по мясной продукции.

Десятки людей, выступавших с трибун совещаний, говорили о неисчерпаемых резервах, которые должны быть приведены в действие, и прежде всего о расширении посевов кукурузы.

На совещаниях в Краснодаре и в Ростове-на-Дону выступал товарищ Хрущев.

На совещании в Краснодаре (слева направо): председатель колхоза имени Тамаровского Л. П. Тамаровская, директор Крымской МТС К. Е. Журавлева, директор Краснодарской плодовиноградной опытной станции профессор А. К. Примак.

Герои Социалистического Труда комбайнер Лабинской МТС Краснодарского края Д. Ф. Кабанец (слева) и бригадир тракторной бригады Сальской МТС Ростовской области В. С. Беседин.

Сессия Верховного Совета РСФСР

В Большом Кремлевском дворце собрались избранники народов Российской Федерации на третью сессию Верховного Совета РСФСР.

На повестке дня сессии — рассмотрение Государственного плана развития народного хозяйства и Государственного бюджета РСФСР на текущий год, образование постоянных комиссий, утверждение Конституции Карельской АССР и другие вопросы.

На снимке: в зале заседаний. На переднем плане — депутаты Пензенской области.

Фото Я. Рюмкина.

Выборы в шести республиках

Многолюдно было 10 марта на избирательных участках шести республик: в этот день состоялись выборы в местные Советы депутатов трудящихся Казахстана, Азербайджана, Латвии, Киргизии, Армении и Эстонии.

На снимке: избирательный участок № 7 Кировского района города Риги. Сестры Зента и Валия Салениек впервые участвуют в выборах.

Фото А. Белова (ТАСС).

У памятника однополчанину

Леса. Болота. Недалеко от проселочной дороги возвышается дзот, обнесенный изгородью. Виднеются амбразуры. На мраморной плите у центральной башни дзота высечены слова: «Здесь погиб Герой Советского Союза А. Матросов».

Воины полка имени Александра Матросова поддерживают тесную связь с трудящимися Подберезинского района, Великолукской области, где герой отдал свою жизнь за счастье людей.

Подберезинцы назвали именем Матросова колхоз, лесоучасток, пионерские дружины в школах.

Недавно в полку имени Александра Матросова побывали представители Подберезинского района. А затем к подберезинцам приехали гости из полка. Они участвовали в митинге у памятника.

На снимке: воины полка имени Александра Матросова у памятника герою.

Н. ИСАЕВ

Самолет ищет руды

На аэродроме среди других машин выделяется своим фюзеляжем самолет «АН-2». Это «летающая лаборатория» завода Министерства геологии и охраны недр СССР, она используется для испытания сложнейших приборов. Вместе с заводскими инженерами отправляемся на «АН-2» в очередной рейс. Предстоят испытания, или, как говорят на заводе, «облет» новой комплексной аэрогеофизической станции, которая обнаруживает магнитные и радиоактивные руды...

Приборы смонтированы в самолете в том же порядке, в каком они должны находиться во время нормальной эксплуатации. В хвосте размещены чувствительные кассеты — своеобразный приемник гамма-излучений, идущих от скоплений радиоактивных минералов, находящихся в недрах земли. Рядом с кассетами — радиовысотомер. Он автоматически регистрирует высоту, на которой летит самолет, и передает данные на самописец станции.

В другой части самолета, ближе к кабине пилота, на металлических ножках прочно стоит ящик. В нем пульты управления станцией и регистрирующие самопишущие приборы. И только головку магнитомера с чувствительными элементами помещают не внутри, а снаружи самолета в специальной гондоле. Укрепленная на кронштейнах у правого борта, там, где меньше всего магнитных помех со стороны самого самолета, гондола походит на снаряд, готовый к стремительному полету...

Первый пилот Александр Антонович Кривоносов занимает место в кабине. Плавно отрывается «АН-2» от земли и ложится на курс по заданному маршруту.

На кронштейнах у борта самолета укрепляют в гондоле головку магнитомера.

Сосредоточенно наблюдают за поведением приборов в воздухе настройщик Николай Андреевич Дмитриев, представитель отдела технического контроля инженер Олег Александрович Жданов. Оба они не впервые участвуют в воздушных испытаниях заводской продукции. Вместе с ними на борту самолета и молодые геофизики.

Комплексная аэрогеофизическая станция располагает двумя автоматически действующими каналами: один реагирует на наличие в недрах магнитных, а другой — радиоактивных руд. Результаты работы станции отражаются в процессе полета на самописце. В установленном на самолете специальном счетчике имеются кристаллы натрий-иода, которые под влиянием радиоактивного излучения дают световую вспышку. Она длится какие-то доли секунды и незаметна простому глазу. Фотоэлектронное устройство усиливает это мгновенное свечение в миллион раз, преобразовывает в электрические сигналы и передает их на самописец. По вычерченной линии можно судить об аномалиях радиоактивных руд в недрах.

«АН-2» пролетает 170—190 километров в час. И на этой скорости безотказно действуют приборы комплексной аэрогеофизической станции. Не трудно себе представить, насколько это облегчило и ускорило геологические поиски по сравнению с недавним прошлым, когда геологу приходилось тратить много времени на наземные поиски.

Наиболее сложный и длительный процесс — это расшифровка и обобщение данных, отразившихся на лентах самописца. Но сейчас упрощается и эта работа. В этом году выпускаются первые специальные счетно-решающие устройства. Они автоматически пересчитывают все измерения станции с учетом высоты полета и дают уже готовый график, по которому можно составить представление о новых месторождениях радиоактивных руд.

К. ЧЕРЕВКОВ

Усыновленные колхозом

Отец Васи Федотова был убит на фронте фашистской пулей, мать умерла, а Васю судьба занесла в латвийский поселок в Лиелварде. Сначала его приютил рыбак в доме над Даугавой, потом взяла к себе директор школы Алис Круминьш. Вася стал учиться.

В Лиелварде в это время наступили перемены. Фронтовик, бывший батрак, коммунист Эдгар Каулиньш организовал здесь один из первых в Латвии колхозов. Колхоз был назван «Лачплесис» — в честь легендарного богатыря из народного эпоса. Председателем избрали Каулиньша.

Однажды — это было семь лет назад — после того, как собрание правления было закончено, Каулиньш попросил присутствующих еще задержаться.

— Я о Васе Федотове хочу поговорить, товарищи. Не беспокоит ли вас его судьба?

— А что ж беспокоиться, — сказал кто-то, — ему неплохо в детском саду: сыт, одет, обут. А если кто обижать будет, не дадим сироту в обиду.

— Вот то-то и есть, что сироту,— поморщился Каулиньш.— С тех пор как Круминьш уехала работать в Огресский райисполком, остался парнишка совсем сиротой. Конечно, в детском саду он сыт, одет и обут. А ведь он растет, ему и сейчас уже детский сад — не место.

Учительница Эльза Матсоне, секретарь колхозной партийной организации, встала:

— Я его усыновлю!

— Почему же ты? Колхоз наш усыновит его — вот что я хочу предложить. Пусть он будет у нас сыном колхоза, нашим общим сыном.

Так русский мальчик стал сыном богатого латвийского колхоза «Лачплесис».

Семейный ужин в доме А. М. Скуя. Слева направо: Андрес и Рудите Мелбардис, А. М. Скуя, Вася Федотов.

Фото С. Розенфельда.

На этом же собрании было принято решение о количестве продуктов, которые будет ежедневно отпускать колхоз для Васи, о сумме денег на одежду и обувь, книги и тетради, о квартире.

...В простом крестьянском доме Анны Скуя тесновато, у каждой стены стоят кровати. Но в тесноте, да не в обиде, говорят пословицы, и русская и латышская. Видно, здесь не было обид, раз Вася сюда приехал на каникулы из Прикульского техникума механизации сельского хозяйства, где он учится теперь.

До 1946 года Анна Мартыновна Скуя жила в своем доме вдвоем с матерью. В этот год остались без родителей ее племянники — Андрес и Рудите Мелбардис, и Анна взяла их к себе. Материнское отношение к Рудите и Андресу и натолкнуло Эдгара Мартыновича Каулиньша на мысль попросить ее взять на себя заботу о питании и жилье Васи.

На другой день вместе с Рудите и Андресом сел за стол тетушки Анны темноволосый, кареглазый Вася.

И когда Каулиньш снова пришел к Анне Мартыновне с еще одним «сыном колхоза», Евгением Поршенковым, тоже оставшимся без родителей, Анна Мартыновна ответила:

— Где трое растут, вырастет и четвертый. Готовить им буду, как умею, а воспитывать всем вместе придется.

Так одинокая женщина на склоне лет стала матерью большого семейства. И какой матерью! Надо только поглядеть на ее питомцев, когда они собираются за общим столом: так и веет от них силой, здоровьем!

Вася — дважды участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки: за высокий урожай кормовой свеклы, полученный им в кружке юннатов, и за выращивание яблоневых саженцев.

...На прощание Анна Мартыновна Скуя угостила нас свежими пирожками.

— Вася завтра уезжает в Приекули, это ему подорожники, — говорит она.

Н. ХРАБРОВА

Это было в 1919 году...

21 марта исполняется тридцать восемь лет со дня провозглашения Венгерской Советской Республики. Всего 133 дня продержалось первое в истории Венгрии государство рабочих и крестьян, и все эти дни были заполнены кровопролитной неравной борьбой против объединенных сил внутренней контрреволюции и международного империализма. Но эта героическая борьба венгерского рабочего класса, борьба венгерских коммунистов имела огромное значение как для судьбы самой Венгрии, так и для всего международного социализма. В приветствии венгерским рабочим, написанном 27 мая 1919 года, В. И. Ленин писал:

«Вы ведете единственно законную, справедливую, истинно революционную войну, войну угнетенных против угнетателей, войну трудящихся против эксплуататоров, войну за победу социализма. Во всем мире все, что есть честного в рабочем классе, на вашей стороне».

Исключительно сложная обстановка, возникшая в результате иностранной интервенции и гражданской войны, не дала тогда возможности Советской России оказать решающую помощь братскому венгерскому народу. Венгерская Советская Республика была потоплена в крови. Но ее традиции, ее опыт живут в делах Венгерской Народной Республики, в делах венгерских коммунистов.

Мы публикуем здесь исторические фотографии и отрывок из воспоминаний участника борьбы за Советскую Венгрию — рабочего-механика Имре Лукача.

Рабочий батальон отправляется на защиту Республики.

В. И. Ленин и Тибор Самуэли — представитель Венгерской Советской Республики в Москве. Май, 1919 год.

В те дни

Это было в один из июньских дней 1919 года. Угроза контрреволюции, получавшей поддержку извне, становилась все очевиднее. Я был солдатом недавно сформированного красного полка. Мы находились в казармах на улице Юлле. Нам было ясно: предстоит схватка с врагами республики. И вот приказ: выступать!...

Среди нас были люди, которым до этого никогда не приходилось заряжать ружья. С пением «Интернационала» мы отправились в путь. Идя по городу, мы с радостью видели, что навстречу нам двигалось много других красноармейцев. На машинах или верхом они направлялись к казармам за оружием. «Мы придем вслед за вами!» — кричали они нам.

Наш отряд послали к Дунаю. Отряд возглавлял «сын Ленина» — так называли тогда в Венгрии коммунистов, возвратившихся из русского плена. Это были честные, смелые, закаленные в борьбе люди. На площади Кальвин мостовая была разрыта, а из камней построены огневые позиции. Площадь держали в своих руках «сыновья Ленина». Мы рассыпались в стрелковую цепь, заняли огневые позиции и начали ждать появления белых мониторов.

Часов в 10 вечера показались два монитора. Было темно, и мы открыли огонь наугад. На мониторах струсили и повернули обратно. Но вскоре они появились вновь. Мы опять открыли огонь. И так продолжалось до рассвета.

Утром нас ждала радость. На помощь пришли красные артиллеристы. Правда, с ними была только маленькая пушка. Ее тянули всю ночь пять человек от Шашхалома до Дуная.

В полдень прибыло известие, что красные войска заняли центральный телефонный узел. Затем пришла другая хорошая весть. Наши отряды заняли офицерскую школу Людовика. Так удалось ликвидировать одну из попыток контрреволюции нанести удар советской республике.

Мы, вчерашние новобранцы, уже ставшие закаленными фронтовыми солдатами, с песней отправились в казармы.

Имре ЛУКАЧ

Будапешт.

ТЕНИ ПРОШЛОГО

1919 год. В кольце блокады задыхается первая социалистическая республика Венгрии.

Представители правительства Венгрии закупили продуктов на миллион долларов. Эта сумма наличными была вручена американцу Томасу К. Грегори, посланцу так называемого союзнического Верховного экономического совета.

Но население Советской Венгрии так и не дождалось этого продовольствия. Его доставили лишь тогда, когда республика была задушена объединенными усилиями империалистов. От своего шефа Герберта Гувера Грегори получил задание, которое не имело ничего общего со снабжением венгерского народа продовольствием. Об этом задании, о своей подрывной деятельности и о роли самого Герберта Гувера в удушении советской республики в Венгрии Грегори рассказал еще в 1921 году в американском журнале «Уорлдс уорк». Статьи его были озаглавлены: «Свергая красный режим». О них не без основания вспомнила американская прогрессивная печать в конце прошлого года, когда в Венгрии вновь подняла голову контрреволюция, руководимая с Запада. Ведь именно в эти дни во главе госдепартамента США временно был сын Г. Гувера — Герберт Гувер-младший, а сам Гувер-старший стал почетным председателем созданного в США акционерного общества «Первая помощь Венгрии». Общество это занялось срочным «спасением» битых контрреволюционеров, бежавших от справедливой кары венгерского народа.

В 1919 году гуверовский агент Грегори прибыл в Вену с официальной миссией «помощи». Там он установил связь с предателем Бемом, венгерским посланником в Австрии. «...Мы предложили ему,— писал Грегори,— соблазнительный куш — славу, почет и власть». Через Бема Грегори удалось найти других людей, готовых принять участие в заговоре против советской республики в Венгрии. Обещая участникам этого антинародного заговора всяческую поддержку, Грегори рекомендовал им установить «либеральный демократический режим».

Но американский агент хорошо знал, что фразы о демократии останутся пустым звуком. По свидетельству Грегори, Гувер тогда же составил план, главным пунктом которого было установление в Венгрии фашистской диктатуры.

Заговор, организуемый Гувером, сопровождался усилением блокады вокруг Венгерской Советской Республики, осуществляемой союзническим Верховным экономическим советом.

Изолированная от всего мира Венгерская Советская Республика пала. К власти пришли фашисты. В Венгрии начался кровавый террор.

«Царит оргия расправ... Это суд Линча. Коммунистов и евреев выслеживают, судят и вешают... Террор все продолжается».

Так сообщал из Будапешта корреспондент английской газеты «Манчестер гардиан» о действиях одной из фашистских организаций. Главарем этой банды был Тибор Экхардт. Вознесенный на волну политической жизни американским заговором, этот фашист при Хорти стал руководителем фашистского бюро пропаганды, а сейчас этот старый знакомый Гувера, обосновавшийся в США,— президент того же общества «Первая помощь Венгрии»...

А вот еще страничка истории. 1933 год. Режим Хорти на грани банкротства. Венгрия вынуждена прекратить даже выплату процентов по американским займам. Помощь фашизму пришла в образе специального уполномоченного Ассоциации американских банкиров Джона Фостера Даллеса. Рекомендации, сделанные им, спасли венгерского диктатора.

Труды Даллеса не остались без вознаграждения: американский нефтяной спрут «Стандарт ойл», чьи дела вела адвокатская контора Даллеса, получил от Хорти концессию на разработку нефтяных источников Венгрии.

Всем известна роль радиостанции «Свободная Европа» и ее хозяина — американской организации «Крестовый поход за свободу» — в подготовке контрреволюционного мятежа в Венгрии осенью 1956 года. Но не все знают, что от деятельности этих организаций пахнет нефтью, ибо во главе «Крестового похода за свободу» шагает Юджин Холмэн, председатель нефтяной компании «Стандарт ойл оф Нью-Джерси» — той самой, которая получила от Хорти нефтяную концессию.

Не случайно и то, что рекламу новой гуверовско-экхардтовской организации «Первой помощи Венгрии» взяла на себя компания «Бонуит Теллер» — филиал корпорации «Ховниг», один из директоров и владельцев которой представляет семейство миллиардеров Харкнессов, то есть все ту же «Стандарт ойл».

Так в дни контрреволюционной попытки свергнуть социалистический строй в Венгрии вновь ожили тени прошлого, вновь пришли в движение те силы, которые боролись против социализма в Венгрии в 1919 году и поддерживали потом режим Хорти. Но на этот раз они оказались битыми.

А. СЕРБИН

Листья падают

Стокгольм, Гимерставэген, 24

Недавно в советской печати было опубликовано сообщение о вскрытии органами государственной безопасности СССР нескольких шпионских групп, подготовленных и заброшенных шведской разведкой на территорию Эстонской ССР. Редакция журнала «Огонек» получила многочисленные письма читателей, в которых советские люди выражают возмущение грязными действиями шведской разведки и просят подробно рассказать на страницах журнала об обстоятельствах, связанных с разоблачением этих действий. Откликаясь на многочисленные пожелания читателей, а также принимая во внимание тот факт, что в последнее время определенные круги в Швеции пытаются на страницах печати голословно отрицать причастность шведской разведки к преступным акциям, проводившимся против Советского Союза, редакция журнала «Огонек» обратилась в Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР с просьбой сообщить дополнительные данные, касающиеся этого вопроса.

Мы публикуем документальный очерк о некоторых событиях, связанных с действиями разоблаченных шпионских групп и с работой органов государственной безопасности по обезвреживанию этих групп. Материалами для очерка явился рассказ майора Ю. В. УГЛОВА, принимавшего участие в проведении мероприятий по вскрытию шпионских групп, а также беседы с очевидцами и с некоторыми из задержанных шпионов.

Г. ГРИШИН, А. НОРМЕТ

Сильный ветер дует с залива. Белые барашки волн с шумом разбиваются о гранитный берег стокгольмской набережной. По каменным плитам расхаживают чайки, такие красивые в полете и столь неуклюжие на берегу. Безлюдно. Редкий прохожий бросит чайкам кусок хлеба, и птицы тотчас же поднимают драку.

По набережной идет человек; его ортопедические ботинки тяжело шаркают по тротуару. Когда он ускоряет шаг, хромота становится заметнее. Воротник темного пальто поднят, шляпа надвинута до бровей, шея укутана белым шарфом.

Скамейки в скверике пусты. Ветер раскачивает уже наполовину голые ветви деревьев. Листья падают... Осень пришла в Стокгольм.

Человек не обращает внимания на рекламы кинотеатров, на заманчивый свет в окнах ресторана «Странд Отель». Ему больше по душе «Регенбоген» или кафе «Метсали». Там за рюмкой его посещают привычные мысли о стране, где он родился, об одноклассниках из Треффнеровской гимназии в Таллине... Вспоминаются и сподвижники по «Омакайтсе»[1], облавы на партизан, работа в немецкой комендатуре. Все шло как по маслу — немецкий железный крест, почет, деньги, обеспеченная карьера. А потом... сорок четвертый год, бегство в Швецию. Мучительные поиски заработка, попытки броситься в водоворот коммерции, но люди, как видно, уже придумали и использовали все способы делать деньги...

...Человек бредет по Стокгольму. На Шлюссен он садится в трамвай. Двадцать минут езды — и вот предместье Эльвшё. На Гимерставэген, среди похожих друг на друга, как близнецы, светлых оштукатуренных домов, стоит тот, знакомый, под номером 24. В трехстворчатых окнах на первом этаже темно. Чтобы попасть в квартиру, надо обойти дом со стороны асфальтированного тупика. Человек отпирает дверь. Войдя к себе, зажигает свет, снимает пальто и шляпу. Взгляд его падает на студенческую фуражку с корпорантской лентой на околыше. Сколько воды утекло с тех пор, когда он состоял членом корпорации «Фратернитас Эстика» в Таллине!

А в Стокгольме... Связь с эмигрантскими организациями... Кое-какие выгодные делишки... За это платили деньги. Но тут — шведская полиция, арест, тюрьма. Выйти на волю удалось только через шведскую разведку. Так эстонец Аркадий Вальдин превратился в шведского шпиона под кличкой «Атс». Его попечителем стал опытный разведчик, капитан шведской секретной службы Курт Андреасон. Отец Курта, полковник в отставке, любезно предоставил свою виллу для занятий с будущими шпионами.

Вспоминая сухопарую, долговязую фигуру Андреасона, Вальдин на мгновение задумывается о том, что шведы в последнее время стали его оттирать и сами непосредственно поддерживать связь с работающими в Эстонии агентами. Было немного обидно, что они не всю информацию, получаемую из Эстонии, передают ему... Впрочем, кроме шведов, нашлись и хозяева рангом повыше. Право, с американцами работать куда выгоднее, чем с этими скрягами. Аркадию твердили еще в детстве: стремись устроиться в солидной фирме...

Расчесывая редеющие волосы, Вальдин окидывает взглядом комнату. Все на месте: развешенные на стене топографические карты Латвии, Литвы и Эстонии; аэродромы помечены на них кружками. Сейф с картотекой, жестяные ящики с печатями советских учреждений, бланками. Не торопясь, Вальдин наливает рюмку коньяка и залпом выпивает. Потом долго курит. Комната наполняется дымом сигарет «Честерфильд».

На письменном столе разбросаны радиодетали... Стоит приемник...

Вальдин подходит к аппарату. Щелчок. Говорит Стокгольм, передача неинтересная. Лучше переключиться на Лондон, но и там тянут что-то нудное. Берлин? Диктор деловито рассказывает о выпуске каких-то новых станков на народном предприятии. А вот и знакомая русская речь. Какой спокойный голос у московского диктора!.. Вальдин слушает, стараясь не пропустить ни слова.

Теперь говорит Таллин. Так же спокойно и деловито течет речь эстонского диктора. Может быть, родственники Вальдина сейчас тоже слушают эту передачу?.. А он здесь, один, среди чужих людей... В доме живет его брат Эдмунд, юрист. Но даже с братом они чужие...

Еще рюмочку... Таллин передает музыку. Ту, к которой он привык с детства. Поет хор. Мелодия рождает образы свадьбы, деревенского праздника. Спохватившись, словно кто-то дернул его за рукав, Вальдин выключает приемник. Он подходит к железной кровати. Пора спать. Маленькая лампочка мягко освещает комнату. На столе четко вырисовывается сине-черно-белый флажок буржуазной Эстонии...

Наутро Вальдин сидит за столом, аккуратно выбритый и подтянутый. Перед ним — «учебные пособия»: радиопередатчики, приемник, бланки радиограмм, наушники. На пальце левой руки поблескивает кольцо с тремя золотыми львами на синем эмалевом фоне. Напротив Вальдина — три «ученика».

Минуло время, когда они могли принять всего двадцать знаков в минуту, теперь принимают сто. «Ти-ти-ти, та-та-та» — пищит зуммер. Сейчас, когда до высадки остались считанные дни, Вальдин проверяет все, чему эти трое обучились и у него и у шведских разведчиков-инструкторов Сунерсона, Нильсона, Иохансона.

Его взгляд останавливается на Сузи. У того на левой щеке длинный шрам, на правой — чуть поменьше. Как ловко проскочила пуля! Это случилось, когда Сузи воевал на стороне немцев. В сорок третьем он дрался на Карельском фронте против русских. Потом госпиталь в Бреслау, Дания, снова Германия, Финляндия. И, наконец, Стокгольм, лагерь для перемещенных... Обычная биография...

Вальдин пристально разглядывает Сузи. «Неплохого парня подбросил мне этот Матиезен! — думает он. — Я правильно сделал, что пообещал Сузи перевезти сюда его родственников... Посмотрим, каков он будет на работе... Он умница. И, конечно, сумеет вывернуться, если попадет в лапы советской контрразведки...»

Вальдин курит одну сигарету за другой. «Ти-та-ти, та-ти-та» — гудит зуммер.

«А этот? — Вальдин переводит взгляд на одногодка Сузи — Вилли. — Продавец из Пярну, отчаянный парень, гуляка... Неприязнь ко всему советскому у него давно, еще с 43-го года, когда он служил в немецкой армии. Что ни говори, там умели кое-что вдолбить человеку... Пьет много, бабник — привычки, приобретенные во флоте, где его знали, как завсегдатая публичных домов и сомнительных портовых кабаков... Его и в разведку втянула эта склонность к авантюрам. Вилли привык к опасности, он не дрогнет».

Вальдин подался корпусом в сторону третьего — Ионаса.

«Смотри-ка! У парня от напряжения вспотел лоб... Любит прикинуться стариком, хотя ему всего тридцать два. Точки и тире даются ему с трудом, хотя в прошлом он и заведовал отделением связи в Курессааре... Слегка трусоват! Но, может быть, это к лучшему? Побоится идти с повинной. Будет работать на страхе. У него там, в Эстонии, полно родственников. Конечно, будет работать...»

— Повторим еще раз.

Вальдин достает книгу на английском языке со сведениями о всех самолетах мира. Он показывает фотографии, «ученики» называют типы машин.

В комнате на Гимерставэген слышится попеременно: «ЯК», «ЛА», «ТУ», «МИГ»...

И вот наступил наконец тот самый день...

На рассвете по пустынным стокгольмским улицам мчатся две машины. Внешне Вальдин спокоен. Он аккуратно смахивает пылинку с погончика своего бежевого плаща. Молчит провожающий тройку представитель шведской разведки.

Вальдин вполголоса последний раз напоминает «ученикам», как пользоваться рекомендательными письмами от эстонских эмигрантов, как разговаривать с людьми, занесенными в списки «надежных». Машины проносятся мимо открывающихся магазинов, заполнивших тротуары служащих, размахивающих портфелями школьников.

---

[1] «Омакайтсе» — фашистская националистическая организация, особенно активно действовавшая в оккупированной гитлеровцами Эстонии.

— Погулять бы еще недельку, а? — шепчет Вилли на ухо Сузи.

— А это? — Сузи выразительно потер пальцами, как это делают, когда считают деньги.— Вот вернемся, тогда...

Сузи не кончает фразы и отворачивается. Ионас, слышавший разговор, скептически смотрит на товарищей.

Ориентир — маяк острова Осмуссаар

К утру туман рассеялся. В небольшом фьорде прилепился к скале катер. На палубе не чувствуется той чистоты, которая обычно бывает на кораблях. Позеленевший от окиси колпак компаса, грязные стекла рубки...

Капитан катера Альберт Лиллеберг, по кличке «Кару», что на эстонском языке означает «медведь», первым заметил подъехавшие машины. Подойдя прямо к Сузи, он сказал:

— Это ты должен привезти мою девушку?

— Да.

— Смотри, уговаривай ее как следует. Скажи, что здесь я живу, как бог! — И Кару торопливо подвернул обтрепанный обшлаг рукава.

Помощник капитана Рубин — его кличка была «Ян» — следил за погрузкой вещей. Рядом, задумавшись, стоял Ыли — моторист Каубер. Не нравилось ему все это. То ли дело у себя, в Эстонии! Водил бы по-прежнему автобус на острове Хийумаа, жил бы спокойно с женой и детишками... Правда, жену обещали скоро перевезти сюда. Тогда можно будет развязаться с этой финкой Линдстрем...

Выглядывавший из люка Тавото, помощник машиниста, заметил, как Вальдин передал трем отправляющимся маленькие ампулы. «Учитель» старался не смотреть в лицо «ученикам», только бросил мгновенный взгляд на Вилли, когда тот спокойно вкладывал ампулу в прорезь на воротнике рубашки...

Пожимая руку Вальдина, Ионас взглянул ему в лицо и снова, в который раз, удивился, какой странной формы уши у этого человека.

Швед взмахнул рукой. Заработали моторы.

...В дымке стушевались шведские берега. Катер шел курсом на Эстонию. Моторы работали ровно, вода лениво плескалась за бортом.

Когда до эстонского берега оставалось всего шесть миль, было уже совсем темно. Вдруг вдали ослепительно вспыхнул прожектор. Холодный луч безжалостно шарил по воде. Катер резко переменил курс. Потом, увиливая от луча, метнулся обратно. Но белая световая игла вот-вот готова была впиться в него. Катер сделал полный поворот назад, к шведским берегам...

Первая попытка высадиться на берег Советской Эстонии сорвалась. И еще раз приходил туда катер, и снова неудача. И так несколько раз... В одну из октябрьских ночей, отдохнув на острове Туре, на вилле, принадлежащей шведской разведке, Ионас, Вилли и Сузи снова стали грузиться на катер. Судно отошло от шведского берега, взяв курс на Эстонию.

Стокгольм.

«Назад пойдем тем же путем», — вяло размышлял Вилли.

«Дал бы только бог вернуться», — думал Сузи.

«Черта с два оттуда вернешься»,— рассуждал про себя Ионас.

Холодный ветер сеял по палубе водяную пыль. Вилли наслаждался непогодой — снова море! Только курс не на Марсель или Сингапур...

Сузи валялся в каюте, делая вид, что спит. Он прекрасно понимал, что, сколько ни жмурь глаза, заснуть не удастся. Его охватило тупое безразличие. В предшествовавшие неудачные рейсы он равнодушно возвращался обратно на шведский берег, усаживался в машину, ехал в город. На этот раз он также, словно в тумане, плыл навстречу судьбе...

Примостившись в уголке, Ионас достал из бумажника два обручальных кольца. «Iuhaniet Illale» — было выгравировано на одном, на другом — «Illale». Невесту Ионаса звали Илла Тееяэр, она ждала его на острове Муху... Только бы не убили на берегу, не потопили бы катер!..

На этот раз высадка была намечена возле местечка Кейбу, на случай неудачи — у Вихтерпалу. Ориентир — маяк на острове Осмуссаар. Но взвинченные нервы капитана — плохой компас, и катер подошел к мысу Лохусалу.

Впереди была неизвестность. Что таилось на темном берегу? Пограничники в засаде? Осветительные мины, огонь пулеметов, погоня с собаками?

Как мила человеку родная сторона! И как неприветливы ее скрытые пеленой тумана берега для шпиона!

В октябре на побережье Эстонии темные ночи. Ливень стучит по огромным, затянутым мохом валунам. Сильный шторм, взбесившийся ветер.

В километре от берега почти бесшумно, с глушителями, отведенными в воду, остановился катер. Трое мигом пересели в резиновую лодку и стали грести к берегу. За ними потянулась привязанная к лодке тонкая веревка. Вилли на руле, на веслах Ионас, Сузи на носу. Спрыгнули, пошли вброд. Под ногами галька.

Резиновую лодку потянули за веревку назад к катеру. Ничего нельзя оставлять, никаких следов. Тихо плещется у пояса холодная вода. Трое двигаются к берегу; вот вода уже по колено, по щиколотку... Идут неслышно. Только свист ветра и шум разбивающихся о камни волн.

Наконец-то берег! Впереди — песчаный пляж, на песке могут остаться следы.

Если бы в эту минуту блеснула молния, она осветила бы фантастическую картину. Трое людей с большими белыми шарами над головой делали гигантские прыжки через песчаный пляж. Заключенный в резиновую оболочку легкий газ помогал подниматься в воздух. Достигнув перелеска, трое отстегнули пропущенные под мышками ремни. Послышалось легкое шипение выпускаемого из шаров газа, резиновую оболочку каждый спрятал за пазуху.

Лес начинался прямо у берега; меж деревьев лежали рыбацкие лодки, стояли растяжки для сушки сетей. Скорее, скорее в лес!

Пусто на территории летнего детского сада. Грубый сапог одного из троих вдавил в песок забытую кем-то из малышей игрушку. Скорее в лес!

Вышли на дорогу. Крадучись, двинулись по обочине. Идущий сзади Ионас непрерывно посыпал следы порошком ДДТ. Острый запах ударит в чуткие собачьи ноздри — собака потеряет след. Время от времени Ионас меняется местами с Вилли. Слушая, как хлюпает под ногами грязь, Ионас думает: «Им просто, Вилли и Сузи: поедут в Таллин, будут навещать людей, которых указал Вальдин. А мне? Легко сказать,— свяжись с Саалисте. А как его искать? Пярнуские и Ляянеские леса велики. Где он там прячется, этот Саалисте?»

Сидя на пне, Ионас пишет Вальдину письмо. Адрес он заучил наизусть. Текст не важен, самое главное — подпись «Ионас», этого достаточно, чтобы Вальдин понял, что все в порядке. «Привет с этой стороны,— пишет Ионас,— от тебя я уже давно не получаю никаких известий, и, видимо, обо мне ты тоже ничего не знаешь. Я здоров и живу хорошо. Жизнь здесь протекает по-прежнему. Передай привет всем моим знакомым». Он на секунду задумывается и подписывает: «Ионас». Запечатав конверт, пишет на нем: «Арни Юргенсон, улица Трианильгатан, 6, Хегенэс, Швеция». Запечатанный конверт передает Сузи.

Закопав радиостанцию и часть снаряжения, уговорившись о встрече, трое расстаются. Вилли и Сузи отправляются в Таллин. Ионас идет на юг. «И как его искать, этого Саалисте?»

План капитана Виллера

Совещание началось в четыре часа дня, но все же в кабинете полковника Осетрова пришлось зажечь электрический свет. Уже несколько суток шел непрерывный дождь, и на узких улицах Таллина было темно. Полковник, помешивая ложечкой чай в стакане, остановил взгляд на худощавом человеке в штатском, сидевшем у дальнего конца зеленого стола.

— Ну, что ж, капитан Виллер, вам начинать. Докладывайте.

Человек в штатском поднялся и одернул пиджак сзади, как обычно военные люди одергивают гимнастерку. Осетров мысленно усмехнулся: наверное, уж никогда капитану не избавиться от этой привычки.

Виллер раскрыл папку с бумагами и не спеша начал:

— Некоторое время тому назад группа неизвестных совершила одно за другим два убийства: убиты депутат районного Совета Вольдемар Лейнпуу и заместитель председателя колхоза Альберт Линдеман. В обоих случаях бандиты захватили все документы своих жертв... Приблизительно в то же время и в том же районе радист воинской части услышал работу радиооператора с незнакомым почерком. Он решил, что в соседнюю воинскую часть назначен новый радист, но предположение его не подтвердилось. Он доложил об этом случае командованию. Мы установили радионаблюдение и через некоторое время запеленговали в районе Ляянеских лесов радиопередатчик. Однако выход в эфир на этот раз был очень коротким, а дальнейшее радионаблюдение ни к чему не привело: рация не возобновляла работы.

Виллер перевернул листок и продолжал:

— Три недели тому назад девушка-почтальон Сильви Таммик, привезшая газету лесному объездчику Янсену на хутор Кютти, заметила человека, стремительно выбежавшего из дома и скрывше-

В этом месте высадились три шведских шпиона: Вилли, Сузи и Ионас.

гося в ельнике. Девушке это показалось подозрительным, тем более, что Янсен несколько раз переспросил ее, не заметила ли она кого-нибудь, подъезжая к дому. В тот же день Сильви Таммик сообщила о своих подозрениях в органы госбезопасности. Мы заинтересовались Янсеном. Вот первые сведения о нем.

Виллер придвинул к себе другую папку.

— Альберт Янсен приехал несколько месяцев тому назад с острова Хийумаа и купил хутор у одинокой женщины. Купил, не торгуясь, заплатил довольно крупную сумму. С ним приехала старушка-мать. На Хийумаа он был лесным объездчиком и здесь очень настойчиво добивался той же должности, причем именно на этом участке...

Янсен покупает в магазине сельпо явно больше продуктов, чем необходимо для двух человек. Продавцу он сказал, что продукты требуются для рабочих, ведущих на участке санитарную вырубку. Проверка показала, что никакой вырубки в этом районе не проводилось и не проводится.

Недавно Янсен в разговоре с Сильви Таммик спросил девушку, нет ли у нее в отделении связи знакомого электротехника, который бы взялся исправить аккумулятор для радиоприемника. Объездчик объяснил ей свою просьбу тем, что несколько дней назад купил в районе радиоприемник, а аккумулятор к нему испортился. «В магазине,— сказал он,— их сейчас нет». Девушке эта просьба показалась странной, потому что никогда раньше Янсен о такой покупке не говорил и ни антенны, ни приемника у него в доме Сильви Таммик не видела. Она обещала Янсену все разузнать, а о разговоре сообщила нам. Проверка показала, что в магазинах районного центра за последние две недели было продано четыре радиоприемника. Все четыре уже зарегистрированы в почтовом отделении. Среди владельцев фамилии и адреса Янсена не значится.

По нашей просьбе Сильви Таммик сообщила объездчику, что один ее знакомый электротехник возьмется исправить аккумулятор. Как мы установили, аккумулятор, переданный Янсеном девушке, оказался американского производства. Маркировка была тщательно зачищена ножом. Этот аккумулятор мы оставили у себя, а через два дня Сильви привезла Янсену осколки другого, сказав, что по дороге упала вместе с велосипедом на камни и разбила аккумулятор. Объездчик, по словам девушки, побелел как полотно, потом набросился на нее с площадной руганью...

Виллер кончил докладывать и закрыл обе папки.

— Вопросы к капитану есть? — спросил Осетров, отодвигая стакан с остывшим чаем.

Виллер приготовился отвечать и снова одернул несуществующую гимнастерку.

— Вы считаете, товарищ капитан, что шпион, действующий в районе Ляянеских лесов, в данный момент лишен радиосвязи?

— Во всяком случае, после второй замеченной нами радиопередачи выходов в эфир не было. Вероятнее всего, вышел из строя аккумулятор. Янсен, как видно, должен был обеспечить исправление, но потерпел неудачу... Можно, разумеется, предположить и другую причину молчания: разведчик перебазировался в другой район. Но это маловероятно: какой смысл ему менять базу перед наступлением зимы? Кроме того, Янсен не предпринимал никаких попыток уйти с работы, а количество закупаемых им продуктов не уменьшилось.

— По вашему мнению, Янсен — единственный пособник шпиона?

— Да. Иначе не было смысла перетаскивать его за тридевять земель с острова Хийумаа. Но сам шпион, возможно, действует в составе или во главе банды, которая совершила убийство товарищей Лейнпуу и Линдемана. Судебная и медицинская экспертиза показала, что в убийстве участвовала группа из трех — четырех человек.

— А почему вы связываете те два убийства с действиями шпиона?

— В обоих случаях убийцы не могли рассчитывать на то, что при их жертвах находятся крупные суммы денег. Вещи убитых целы, даже такие, как часы. Однако аккуратнейшим образом изъяты все документы. Кроме того, общественное положение обоих убитых, авторитет, которым они пользовались среди населения,— все это заставляет сделать вывод, что убийства были совершены по политическим мотивам. Далее, как я уже докладывал, район действий шпиона и убийц приблизительно совпадает. Значит, можно предположить, что шпион одновременно является главарем или входит в состав банды завербованных им людей.

— Что представляет собой местность, где они скрываются?

— Густой лесной массив площадью в несколько сот квадратных километров, заболоченный в центре. Туда очень редко заходят даже охотники.

— Что дало дальнейшее наблюдение за хутором Янсена?

— Наблюдение весьма затруднено: хутор стоит на отшибе. Проследить же Янсена во время его «прогулок» в лесу, не вызывая подозрений объездчика, невозможно...

Вопросы иссякли. Полковник Осетров попросил вносить предложения.

— Начнем с вас, товарищ Киви,— обратился он к молодцеватому, подтянутому лейтенанту.

— По-моему,— начал лейтенант,— материалы, собранные капитаном Виллером, создают ясную картину. Мне кажется, надо немедленно арестовать объездчика Янсена и одновременно в быстром темпе прочесать лес. Шпион и его банда не успеют скрыться.

Лейтенант сел.

— Разрешите мне,— взял слово майор Хейнасте, худой, высокий человек, очень широкий в плечах.— Я думаю, что войсковая операция в данном случае совершенно неприемлема. Во-первых, обнаружить в лесу место, где скрываются шпион и банда, очень трудно. Во-вторых, если даже мы его разыщем, будет бой. Это значит почти наверняка дать разведчику возможность уничтожить бумаги, представляющие для нас большой оперативный интерес, а может быть, и самого себя.

В обсуждение вступил еще один участник совещания, сидевший рядом с Виллером:

— Мы имеем две версии: либо шпион действует в составе банды, либо банда и шпион действуют отдельно. Как я понял, проследить Янсена в лесу невозможно. Арестовать Янсена — значит спугнуть шпиона. Кроме того, у нас нет прямых улик о его преступной деятельности. Пока это все еще только подозрения. Я предлагаю направить в лес группу наших людей под видом охотников, попарно, разбив всю территорию на квадраты. За несколько дней положение станет более ясным.

— Но так мы решим только первую часть задачи—разведывательную,— откликнулся лейтенант Киви,— а главное дело — поимка — так и останется нерешенным. Мне кажется, что в самом начале была совершена ошибка: не следовало оставлять у себя аккумулятор. Наоборот, надо было дать шпиону возможность выходить в эфир. Это позволило бы нам установить точно, где находится радиооператор. Раз мы потеряли эту возможность, нам остается предпринять, как мне кажется, решительные оперативные действия и в крайнем случае уничтожить шпиона.

Виллер попросил слова:

— Видите ли, замечание товарища Киви об аккумуляторе правильно только частично. Это верно, что, дав возможность шпиону выходить в эфир, мы уточнили бы его местонахождение. Но вопрос о поимке этим все равно не решался. Кроме того, шпион успел бы несколько раз связаться со своим центром и, возможно, передать важные сведения. Позволить этого мы не могли. Что касается плана войсковой операции, то я согласен с майором Хейнасте: в данном случае это не подходит. Поиски шпиона с применением «охотников» тоже дали бы мало. Они могли бы вызвать у шпиона подозрения, спугнуть его или кончиться боем. А если шпион действует в составе банды, то наши «охотники», разбитые попарно, оказались бы в невыгодном положении.

— Что же предлагаете вы? — спросил Осетров.

— Я предлагаю следующий план...

Через полчаса, подытожив обсуждение, полковник Осетров поднялся:

— Итак, принимается план капитана Виллера с моими поправками. Товарищ капитан, вы назначаетесь ответственным за организацию и проведение розыскных мероприятий. Помощников выберете себе сами. Советую взять,— в глазах полковника промелькнула хитринка,— и лейтенанта Киви.

Саалисте ищет помощников

...Янсен двигался медленно. Чтобы сделать шаг, ему приходилось, балансируя на одной ноге, другой нащупывать местечко потверже. Высокие резиновые сапоги то и дело глубоко уходили в трясину. Время от времени Янсен, ухватившись одной рукой за колкие еловые ветки, другой стаскивал поочередно сапоги и выливал из них грязную жижу. Он старался идти под деревьями, пригибая к земле нижние ветви и ставя на них ногу. С верхних веток обдавало ручейками воды, она протекала за воротник, и Янсен не мог отделаться от ощущения, что между лопаток у него ползают холодные скользкие змейки.

Проклиная дождь, лес, Саалисте, его друзей, а заодно и себя, Янсен вяло тащился от одного дерева к другому. Привычка заставляла его временами останавливаться и внимательно огляды-

Снаряжение, зарытое Ионасом возле Кейлы.

ваться вокруг, хотя было очевидно, что в эти гиблые места, да еще в такую погоду, ни одна живая душа не заберется. Собственно говоря, он совершенно напрасно злится на дождь: ничего лучшего нельзя было желать человеку, который хочет скрытно пробраться к одному ему известному месту. А пробраться надо было обязательно сегодня. У Янсена для Саалисте есть очень важная новость. Саалисте она придется как нельзя более по сердцу...

...До мельчайших подробностей помнит Янсен то утро, когда, совершая обычный обход, он в двух километрах от хутора натолкнулся на связанного, вываленного в грязи человека с кляпом во рту. Связанный лежал под деревом и глухо стонал. Янсен осторожно вытащил кляп и, не развязывая незнакомца, стал расспрашивать о случившемся. Человек был насмерть перепуган и на вопросы объездчика отвечал несвязно. Но Янсен все же понял, что перед ним шофер. Накануне вечером он возвращался из района на «Победе». По дороге его остановил одинокий прохожий, поднявший руку. Тут же из-за деревьев выскочили еще трое, направили на шофера пистолеты, связали, сунули в рот кляп и перетащили сюда.

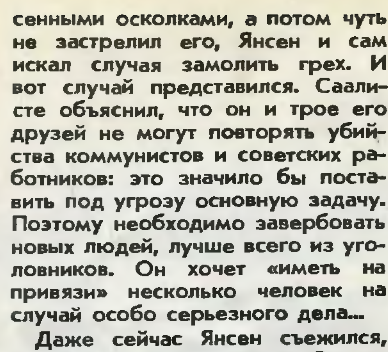
Янсен развязал перепуганного водителя, и тот, пошатываясь, побрел в район.

На другое утро продавец в магазине сельпо среди прочих районных новостей сообщил матери Янсена, что несколько бандитов на «Победе» ограбили прошлой ночью продуктовую лавку в районе. Машину потом нашли, а грабители исчезли.

Янсен рассказал все это Саалисте при очередной встрече. Похоже было, что грабители сделали заготовку продуктов на зиму. Объездчик даже высказал предположение насчет того, в каком месте может скрываться банда: он ведь хорошо знает все заброшенные уголки леса. Саалисте внимательно выслушал, подумал и приказал Янсену разыскать банду. Глядя в упор на объездчика, он медленно, с расстановкой произнес:

— Если угробишь и это дело, я разобью о твою голову приклад автомата. Ты знаешь, он потяжелее аккумулятора!

После скандала с аккумулятором, когда Саалисте в бешенстве запустил в голову лесника прине-

сенными осколками, а потом чуть не застрелил его, Янсен и сам искал случая замолить грех. И вот случай представился. Саалисте объяснил, что он и трое его друзей не могут повторять убийства коммунистов и советских работников: это значило бы поставить под угрозу основную задачу. Поэтому необходимо завербовать новых людей, лучше всего из уголовников. Он хочет «иметь на привязи» несколько человек на случай особо серьезного дела...

Даже сейчас Янсен съежился, вспомнив угрозы шефа. Он по собственному опыту знал, что лейтенант Рихард Саалисте, бывший командир батальона военно-фашистской организации «Омакайтсе» на острове Хийумаа, не любит бросать слова на ветер. Будь он проклят, тот день и час, когда несколько месяцев назад лейтенант как снег на голову снова появился на Хийумаа и приказал Янсену перебираться в Ляянеские леса. Янсен пробовал отговориться, но Саалисте пригрозил: органам государственной безопасности Эстонской ССР станет известно, как близко сотрудничал объездчик Янсен с гитлеровцами во время оккупации и скольких людей выдал. Янсен не решился возражать...

В поисках появившейся в лесу банды Янсен стал бродить по тем местам, где, по его предположениям, могло находиться их убежище. Он знал, какой опасности подвергался, когда искал связи с грабителями: «лесные братья» не отпустят живым человека, раскрывшего их местоположение. Но угроза Саалисте была для Янсена еще страшней.

Однажды, во время очередного обхода, Янсена окликнули из-за деревьев. Он задрожал всем телом и в следующее мгновение с готовностью поднял руки кверху. На прогалину вышли двое грязных, небритых, оборванных людей. Каждый держал в руках по пистолету, на груди висели автоматы. «Немецкие», — сразу определил Янсен. Ему завязали глаза и куда-то долго вели. Когда повязку сняли, Янсен увидел, кроме сопровождающих, еще троих. Эти тоже были одеты кто во что горазд, вооружение их такое же пестрое... Разговор с Янсеном повел человек среднего роста, с короткими темно-каштановыми волосами. Остальные называли его Этс.

Этс внимательно оглядел Янсена, некоторое время молчал и наконец спросил, кто он такой и зачем бродит по этим местам.

У лесника зуб на зуб не попадал от страха. Он объяснил, заикаясь, что служит объездчиком, наведался сюда потому, что давно не бывал на этом участке. Этс ничего не ответил и дал знак отвести пленного в бункер.

Лесная компания долго продержала Янсена в землянке. Клятвы объездчика, что он их не выдаст, не произвели на «лесных братьев» никакого впечатления. В конце концов Этс согласился, чтобы Янсен повел одного из бандитов к своему хутору. С превеликими осторожностями объездчик выкопал там из укромного места тщательно завернутый в целлофан документ, который хранил с 1944 года. Документ удостоверял, что Альберт Янсен является членом организации «Омакайтсе» и служит унтер-офицером в батальоне военно-фашистской организации. Документ подействовал на Этса, и он велел отпустить Янсена, взяв с него обещание, что тот будет время от времени помогать банде продуктами и всем необходимым.

Обо всем случившемся с ним Янсен доложил Саалисте. Тот, впервые удостоив своего подчиненного похвалы, приказал при следующей встрече с Этсом осторожно, в самой туманной форме намекнуть, что в лесу существуют еще люди, которые желали бы встретиться с ним. Саалисте долго втолковывал объездчику, что от него требуется большая ловкость в разговоре с Этсом: тот может заподозрить неладное.

Намеки Янсена были встречены вначале хмурым молчанием главаря «лесных братьев», но после долгих подходов и взаимного прощупывания Этс наконец согласился на встречу.

И вот сейчас объездчик, проклиная дождь и болотную топь, спешил доложить Саалисте результаты переговоров.

...Трясина кончилась, Янсен выбрался на твердую землю. Мало кто знал о существовании этого небольшого сухого островка, диаметром километра в полтора, среди огромного заболоченного лесного пространства. Янсен в последний раз снял сапоги, вылил из них воду, потом достал из кармана тужурки бутылочку с коричневой жидкостью — это была смесь скипидара с керосином — и смазал подошвы. Эту предосторожность — на случай появления служебных собак — Янсен считал здесь, в центре лесного массива, совершенно излишней. Но таков был приказ Саалисте. Спрятав бутылочку, объездчик вытащил из заднего кармана брюк плоскую металлическую фляжку, отвинтил крышку и несколько раз торопливо глотнул. Иззябшее тело словно пронизали язычки пламени, стало сразу теплее.

— Черт послал мне эту погодку, — прошептал Янсен и, осмотревшись кругом, двинулся дальше. До землянки Саалисте оставалось метров пятьсот. Объездчик согнулся и теперь шел почти на четвереньках, перед каждым шагом раздвигая траву, чтобы не помять ее. Движение в таком неудобном положении заняло еще минут тридцать. Возле большой, отдельно стоявшей осины Янсен выпрямился и еще раз внимательно огляделся. Никого. Вдруг на плечо мягко легло что-то желтое. Янсен вздрогнул и тут же вполголоса выругался: это был лист с большой осины. «Листья падают, — подумал он. — Ранняя осень в этом году».

Объездчик сложил руки у рта, и по лесу разнеслось уханье совы. В ответ он услышал совсем рядом вороний крик. Это означало, что вокруг землянки «воздух чист». Янсен подошел к осине и, низко пригнувшись, пролез под еле заметной зеленой ниткой, натянутой между кустами и деревьями. Пройдя еще метров пятьдесят, остановился перед густым ельником. Безошибочно выбрав одну из елок, он потянул ее на себя. Дерево наклонилось, потянув за собой аккуратный квадратик земли, и перед объездчиком открылся черный люк. Кряхтя, он просунул грузное тело в отверстие и стал спускаться по шаткой березовой лесенке...

Продолжение следует.

Часть снаряжения, захваченного у шведских шпионов.

В столице Кара-Калпакской АССР — Нукусе. Группа студентов Педагогического института.

В КАРА-КАЛПАКИИ

Фото М. Савина.

Прием хлопка на Чимбайском хлопкоочистительном заводе.

В отделе тканей Ходжейлинского универмага.

Звеньевой колхоза имени Ахунбабаева, Кенесского района, депутат Верховного Совета Кара-Калпакской АССР Шамурат Мусаев с дочерью Гульби у своей автомашины.

Солистка балета Государственной филармонии имени Бердаха, заслуженная артистка Кара-Калпакской АССР Уразгуль Алламбергенова исполняет танец «Кошма».

ОСНОВОПОЛОЖНИК СОВЕТСКОЙ БИОХИМИИ

Сто лет назад — 17 марта 1857 года — в тихом, цветущем украинском городке Золотоноше, само поэтическое название которого словно заимствовано из старинного предания или сказки, родился будущий революционер и великий ученый Алексей Николаевич Бах. Его отец, скромный техник-самоучка на винокуренном заводе, мечтал дать сыну то, что не удалось получить самому,— образование. Напрягая до пределов свои ресурсы, семья отправила мальчика в Киев, в гимназию. Затем он поступает на естественное отделение физико-математического факультета Киевского университета.

Вспоминая свою молодость, Алексей Николаевич писал: «...имел ли я право тратить на научную работу... время и силы, которые целиком и полностью должен отдать на служение народу?.. В моей душе возник конфликт между стремлением к научной работе и стремлением к революционной работе. Конфликт этот прошел через всю мою жизнь сознательного человека...»

За участие студента Баха в революционном движении его арестовывают, исключают из университета и ссылают. После отбытия наказания он снова возвращается в университет и становится одним из активнейших членов «Народной Воли». Его книга «Царь Голод» приобретает широкую известность.

...В руки полиции попадает список членов организации с шифрами и с явками. По счастливому стечению обстоятельств Алексей Бах на этот раз избегает ареста. Дальнейшая революционная работа становится невозможной, и Бах с паспортом на имя Алексея Николаевича Бельского эмигрирует в Париж.

Наступает новый этап его жизни. Крупный французский химик Шюценберже предоставляет возможность начинающему ученому работать в своей лаборатории в Коллеж де Франс. Через несколько лет молодой исследователь переезжает в Женеву, где тоже продолжает заниматься наукой. В лаборатории он работает один, без помощников, и эту привычку делать все самому он сохранил до конца жизни. Его друзья и ученики помнят, как в возрасте около 80 лет, будучи директором двух больших научно-исследовательских институтов в Москве, он любил в свободное от административных обязанностей время, особенно по вечерам, уединяться в своей лаборатории и ставить опыты. И если кто-нибудь удивлялся тому, что он работает без помощников, академик А. Н. Бах говорил, что эта «техническая» работа не только не препятствует, но, наоборот, даже способствует научному мышлению.

Алексей Николаевич провел в эмиграции 32 года. Наступает 1917 год. Вместе с женой длинным, кружным путем, через Англию и Скандинавию, Бах возвращается на родину.

Алексею Николаевичу уже за 60 лет, и он мог бы уйти на покой, но он еще полон жизни и энергии и с радостью включается в организационную и научную работу. Ему поручают заведование большой лабораторией ВСНХ, созданной для обслуживания промышленности. Позже она превращается в Научно-исследовательский химический институт имени Л. Я. Карпова.

В 1929 году Алексея Николаевича избирают в действительные члены Академии наук. Он становится академиком — секретарем Химического отделения. Создается значительно больший институт биохимии, которому присваивают имя его директора — А. Н. Баха.

Крупнейшего ученого страны избирают членом ЦИК СССР. В качестве старейшего депутата он открывает первую сессию Верховного Совета СССР. Неутомимому труженику науки присваивают звание Героя Социалистического Труда.

Академик Алексей Николаевич Бах оставил большой след в науке. «Химические элементы, из которых состоят живые организмы,— писал А. Н. Бах,— проходят определенный цикл превращений, переходя из состояния неорганизованного вещества в состояние живого вещества, и вновь возвращаются в область неживой природы».

Течение этого круговорота сопряжено с поглощением и освобождением энергии. Изучению этой проблемы, то есть химических реакций, связанных с передачей и превращением энергии, Алексей Николаевич посвятил большую часть своего научного творчества. Результаты его работы вылились в стройную теорию биологического окисления, которая пережила своего автора. Со своими многочисленными учениками и сотрудниками он разрабатывал основы технической биохимии.

Алексей Николаевич создал свою научную школу и вырастил плеяду учеников и последователей, из которых многие занимают сейчас в отечественной биохимии ведущее положение.

Алексея Николаевича Баха заслуженно считают основоположником советской биохимии.

Профессор С. БАЛАХОВСКИЙ

Автономной Кара-Калпакии—25 лет

То одним могучим потоком, то дробясь на сотни рукавов, несет Аму-Дарья свои воды в Арал. История кара-калпакского народа неразрывно связана с этой рекой.

«Рекой слез» звали ее бурлаки, тянувшие всего три десятилетия назад тяжелые баржи за 700 километров от Кунграда до Чарджоу. «Сладкая, Светлая, Красавица» — называли ее дехкане: в каждом кубометре воды, что несет Аму в море,— до 6 килограммов плодоносного ила. «Забудешь в арыке кетмень — древко его даст побеги, воткнешь в воду оглоблю — вырастет арба»,— говорят жители прибрежных аулов.

Вода в Кара-Калпакии — все. Где вода, там жизнь! Ушла вода, и выгорят травы, высохнут сады и виноградники, разрушатся селения. На это место придут Кзыл-Кумы. Так и было много веков назад.

В нескольких десятках километров от Турткуля, в Кзыл-Кумах, археологи нашли следы одной из древнейших цивилизаций нашей страны, остатки самобытной культуры народа, жившего на берегах Аму-Дарьи.

Вдоль этой водной магистрали Средней Азии пролегли первые караванные пути из России в Бухару и дальше — в Персию и Индию. И сейчас еще на берегах Аму стоят развалины караван-сараев, построенных несколько столетий назад.

Ныне железная дорога обеспечила надежную связь республики с остальными районами страны. Нескончаемым потоком идут сюда эшелоны с минеральными удобрениями, землеройной и почвообрабатывающей техникой, товарами и продуктами. Только за последние два года по железной дороге прибыло в республику более тысячи хлопкоуборочных машин, столько же тракторов, бульдозеров, канавокопателей, сеялок и культиваторов новейших конструкций.

Вдоль Аму-Дарьи и дальше, по плато Усть-Урт, Кара-Калпакия протянулась более чем на шестьсот километров. И не везде есть благоустроенные дороги. Население предпочитает пользоваться воздушным транспортом — самым быстрым и лучше всего организованным.

Гражданская авиация ежедневно доставляет во все уголки республики пассажиров, почту и срочные грузы. Два раза в сутки уходят рейсовые самолеты в Ташкент, раз в неделю — в Москву.

Хлопководство и животноводство — основные отрасли сельскохозяйственного производства автономной республики. Посевные площади под хлопчатником возросли по сравнению с 1913 годом в 10 раз, а валовой сбор сырца — в 22 раза. Вспоенные благодатной аму-дарьинской водой, колхозные поля дают высокие урожаи белого золота. Страна высоко оценила труд тех, кто показывает пример в борьбе за высокие урожаи. За успехи в подъеме хлопководства в первом году шестой пятилетки десять человек удостоены звания Героя Социалистического Труда. Сотни передовиков награждены орденами и медалями.

Год от года расширяются в республике посевы хлопчатника. В нескольких десятках километров от Турткуля находятся земли древнего орошения Кырк-Кыз. Волей партии, упорством и трудолюбием энтузиастов освоения целины эти бесплодные на протяжении нескольких тысячелетий земли возвращены к жизни. Там, где еще несколько лет назад были пески, ныне плодоносят фруктовые сады, богатые урожаи дают посевы хлопчатника, кукурузы и люцерны.

Но не только за счет Кырк-Кыза будут расширяться посевы. Специалисты недавно подсчитали, что в районах республики имеется свыше четверти миллиона гектаров пустующих плодородных земель, освоение которых требует незначительных затрат. Есть возможность уже в шестой пятилетке ввести в севооборот до 100 тысяч гектаров этих удобных земель.

За последние годы шагнуло вперед и животноводство. Продуктивность молочного скота возросла вдвое только за один год. Каракалпакский каракуль славится не только в стране, но и за ее рубежами.

Республика имеет и свою промышленность — хлопкоочистительные, маслобойные, авто-тракторо-ремонтные, судоремонтный, деревообделочный, кирпичные заводы. Скоро вступит в строй макаронная фабрика. Намечено строительство текстильного комбината. Растет местная кустарная промышленность. На берегу Аму-Дарьи, в Тахиа-Таше — самом молодом городе республики,— сооружается электростанция.

В дельте Аму-Дарьи, на Муйнаке, перед Великой Отечественной войной был построен рыбоконсервный комбинат. В пятой пятилетке он дал стране 20 миллионов банок рыбных консервов. Здесь же, на аму-дарьинских протоках, расположились угодья ондатрового промыслового хозяйства. Размножение этого ценного пушного зверька было начато перед войной. В прошлом году было заготовлено 1 200 тысяч шкурок ондатры.

Ярчайшим свидетельством торжества ленинской национальной политики Коммунистической партии является рост культуры, искусства и науки кара-калпакского народа.

Над проблемами развития производительных сил республики работают десятки каракалпаков — сотрудников Научно-исследовательского института экономики и культуры Академии наук УзССР, научно-исследовательских и опытных станций. Педагогический институт, сельскохозяйственный, медицинский, бухгалтерский техникумы и училища ежегодно выпускают несколько сот специалистов. В городах и аулах насчитывается 538 средних, семилетних и начальных школ, около двухсот библиотек и изб-читален, двадцать домов культуры, около ста колхозных клубов.

У кара-калпакского народа есть свой государственный драматический театр и филармония.

Так развиваются наука и культура в республике, которая до революции не имела письменности.

К. ВОЛКОВ

ПО МЕСТУ СЛУЖБЫ

Рассказ

Борис ЗУБАВИН

Рисунок И. ГРИНШТЕЙНА.

«Милый Костя! Прости, что пишу с таким опозданием. Очень хотелось написать, когда все устроится. Встретили нас хорошо. И мама, и Валерий, и его жена Люся, которую ты еще не видел, очень симпатичная, добрая, веселая, и Люсина сестренка Шура, студентка Политехнического института, она приехала из Пскова и теперь живет у них, она строгая и покрикивает на ребят,— ну, словом, решительно все были рады нам. Живем мы впятером в той комнате, которая с балконом: я, мама, наши ребята и Шура, а в другой комнате живут молодые: Валерий с Люсей. Сережку приняли в третий класс, в ту самую школу, в которой учился ты. Старые педагоги помнят тебя и про Сережку сказали, что он как две капли похож на отца. Недавно мы с Люсей, Валерием и Шурой были в Мариинском театре на «Пиковой даме», и я даже расплакалась, так мне понравилось.

Милый Костя! Все очень хорошо, я нисколько не жалуюсь, но нельзя ли сделать так, чтобы мы были вместе? Постарайся, пожалуйста. Ведь у них теперь своя семья, мы стесняем их, а к тому же у Люси будет ребенок. Я понимаю и Валерия, и Люсю, и маму, она все переживает и за них и за нас. Так что постарайся поскорее забрать нас отсюда».

Капитан Заичкин прочел письмо, устало, с досадой потер ладонью большой выпуклый лоб, облокотился на стол, подпер щеку кулаком и задумался.

Заичкин был недавно зачислен в слушатели академии, приехал в Москву с Памира, поселился в общежитии, а жену, Аню, маленькую, изящную, но очень крепкую и покойную сердцем, так что даже удивительно, почему она расплакалась, отправил с ребятами домой, в Ленинград. Заичкину шел тридцать третий год, служба на границе приучила его к неожиданностям, но письмо жены удивило и смутило его. Аня о чем-то умалчивала, что-то, щадя его, старалась деликатно обойти, и это недосказанное, то, о чем жена не решилась написать ему, чтобы напрасно не тревожить, но что он все равно сразу понял, уловил по настроению письма, было горько, досадно и обидно Заичкину. Выходила ужасная, несусветная чушь: его жена, его дети оказались лишними в его же родном доме, и надо было срочно забирать их оттуда.

«Ну что же,— думал Заичкин.— С одной стороны, это даже хорошо: будем жить вместе. Но куда я заберу их, где нам жить?»

До этого письма Заичкин считал себя ленинградцем не только потому, что родился и вырос в Ленинграде, но и потому, что там, на Васильевском острове, на Пятнадцатой линии, у него был родной дом, куда он мог в любую минуту приехать с женою и с ребятами не только в гости.

Но вот — не чертовщина ли! — теперь неожиданно выяснилось, что никакого дома у него в Ленинграде, на Васильевском острове, нет. И вообще у него нигде никакого дома не было. Есть семья, которую он любит, есть офицерская служба, которой он отдает всего себя, были и будут квартиры по месту службы, с казенной мебелью, как в гостиничных номерах. А в Ленинграде жила семья младшего брата Валерки, серьезного, молчаливого парня, оставшегося после смерти отца на попечении Константина, который аккуратно, вот уже одиннадцать лет, каждый месяц высылал им с матерью почти половину того, что зарабатывал. Теперь Валерка перестал нуждаться в помощи брата, окончил институт, работает на заводе мастером, жена его тоже работает не то лаборанткой, не то чертежницей. У них, конечно, свои взгляды, свои интересы, свои печали и радости, быть может, совсем непохожие на печали и радости его, капитана Заичкина, семьи.

«Ну, пусть все это будет так,— думал он.— Но куда же мне своих-то девать? А ведь надо их забрать оттуда. Если уж Аня просит...» И тут ему вдруг стало неловко перед женой, словно провинился в чем-то, и он снова с досадой провел ладонью по лбу.

Одиннадцать лет кочует она вместе с ним по стране, офицерская жена, научившаяся переносить все неудобства бивуачной, неустроенной жизни. Где они за эти годы не были, где не служили! И она, по-солдатски, никогда ни на что не жаловалась. Везде ей было хорошо, удобно.

Сережке скоро десять лет. Родился он у них на Дунае, в белой мазанке на заставе. Ане тогда казалось, что они много лет проживут здесь, и случалось, она ездила в рыбацкий городок, где были магазины, что-нибудь да покупала для своей хатки. Так у них появился большой, во всю стену, молдавский ковер. Однако не минуло Сережке и двух лет, как поехали они через всю страну, с края на край. Уложили чемоданы, увязали постели, а ковер (чтобы не везти с собой такую тяжесть) отправили в Ленинград, на Васильевский остров. Долго они ехали поездом, плыли на пароходе, пока не добрались до новой своей службы, до острова Сахалина.

Там у них родился Николка. Сергей выдался в Заичкиных: любит молчать, упрям, терпелив, собака покусает — не заплачет, а у Николки характер Ани: разговорится, разболтается с кем угодно. Пограничники прозвали его лингвистом: на Сахалине его научили говорить по-гиляцки, в Литве — по-литовски, на Памире — по-таджикски.

Да, после Сахалина жили еще в Литве, а потом и на Памире. Укладывали чемоданы — четыре их в Анином распоряжении, все богатство Заичкиных умещается в них—и отправлялись, как говорят, к месту назначения. Аня в таких случаях по-военному говорила: «Приказ есть приказ», «Есть, товарищ командир, ехать в Литву», «Слушаюсь, товарищ старший лейтенант, укладываться и полным ходом двигать на Памир». Только после молдавского ковра она не покупала громоздких вещей. Такие вещи приобретали в Ленинграде, дома, когда приезжали в отпуск. Там их и оставляли.

Как Аня была рада, когда Константина приняли в академию! Как ей хотелось пожить наконец дома, в Ленинграде, с мамой, с Валеркой, о которых она всегда так заботилась и все волновалась, не забыл ли Костя послать им денег, и в каждом письме к ним требовательно запрашивала, не нуждаются ли они в чем-нибудь.

А когда приезжали в отпуск (они каждый год ездили в отпуск в Ленинград), Аня тратила все, что удавалось скопить за год: покупала Валерке костюм, покупала новые шторы на окна, притащила в прошлом году новый чайный сервиз... Да разве упомнишь все? Покупала и радовалась, как маленькая: хотелось хоть раз в году почувствовать себя дома.

Так думал капитан Заичкин, получив письмо. Было это в субботу вечером, а в воскресенье утром он уже шагал, чуть наклонив вперед лобастую упрямую голову, по дачному поселку, щурясь от солнца, искал на столбах объявления о сдаче комнат.

Уже кончался сентябрь, и, хотя еще было по-летнему тепло, ясно, сухо, казалось, что даже сам воздух пропитан грустью приближающейся осени. Эта легкая грусть угадывалась всюду: в чистом, уже нежарком небе, в усталости желтеющих деревьев, в перекопанных огородах, в одиночестве застывшего в безветрии пруда с опустевшей купальней и перевернутыми на берегу сухими лодками. То тут, то там за заборами, за деревьями виднелись заколоченные горбылями, наглухо закрытые ставнями дачи.

Заичкин был человеком грубоватым, насмешливым, сентиментальностей не любил, но и на него подействовало это тихое предчувствие осени, и когда в небе послышался стонущий плач журавлей, он долго стоял средь дороги, задрав голову, прикрывая ладонью глаза, и глядел, как птицы, прощаясь с Подмосковьем, высоко кружились над поселком, а потом нехотя выстроились двумя косяками и, все трубя и плача, медленно махая крыльями, уплыли, растаяли в небесной лазури.

И Заичкину, проводившему их глазами, вдруг до боли стало жаль чего-то, а чего, он даже и не мог бы сказать.

— Ишь ты, как тебя разобрало! — вслух сказал он, усмехнувшись, и зашагал дальше.

Отыскав наконец нужный ему дом, он осторожно постучал в калитку.

Домик был невелик, оштукатурен и недавно побелен, с синей застекленной верандой, выглядел в глубине сада ослепительно весело и так понравился Заичкину, что он, еще не зная ни хозяев, ни комнаты, которую они сдают, ни платы, которую запросят за нее, даже испугался, что ему могут отказать.

На первый стук никто не откликнулся. Заичкин постучал, подергал калитку еще раз, смелее, нетерпеливее.

Наконец где-то затявкала собачонка, дверь домика медленно отворилась, и на крыльце появилась маленькая старушка в байковой цветастой кофте-распашонке, по покрою своему похожей на китайский ватник — колоколом. Старушка с умилением поглядела на Заичкина, всплеснула руками: «Ах, ах!» — и резво засеменила к калитке. Черная собачонка, такая злая, что даже не лаяла, а лишь хрипела и визжала, неизвестно откуда взявшаяся, словно выскочившая из-под старушки, подскакивала возле калитки.

— Вам кого? — все с тем же умилением глядя на Заичкина, спросила старушка.

И тут, уже чувствуя, что именно здесь и будет жить, что лучше этой старушки, лучше этого домика нечего ему и искать, он приложил ладонь к фуражке и объяснил цель прихода.

— Милости прошу, — сказала она, отперев калитку и притворно притопнув на собачонку, с визгом заскакавшую возле начищенных сапог Заичкина, который шел и все боялся, как бы не наступить на нее.

Минуту спустя он уже сидел на табуретке в маленькой кухонке, и старушка, глядя на него говорила:

— Журавли-то, господи! Слышали, как плакали, с родным домом прощалися? Я все на крыльце стояла, слушала. Видеть-то мне их уж и не видать: глаза слабые, — а все слушала. Господи!

Сторговались они быстро, легко. Заичкин вообще не умел торговаться, хотя старушка запросила немилосердно дорого, сказав, что сдает комнату со всеми удобствами: столом, стульями, кроватью, диваном и даже картиной на стене, изображавшей боярский пир, причем у одного из бояр, державшего над головой кубок, как шляпу, на руке почему-то было шесть пальцев.

— Это моя дочка рисовала,— объяснила старушка.— Художницей хотела стать, а взяла и уехала на целину, да там и замуж вышла, и живет третий год, да и дом свой построила, а я одна осталась.— Она помолчала и заключила не то с гордостью, не то с обидой: — Вот как у нас!

В Ленинграде, когда еще Валерий не был женат, каждый год с нетерпением ждали в отпуск «наших» и недели за две начинали готовиться к их приезду: мыть полы, чистить, стирать, прибираться в комнатах, и тот месяц, который Заичкины проводили все вместе на

Васильевском острове, проходил шумно, весело, празднично.

Но вот Валерий женился, и все само собой стало иначе. Когда приехала Аня с ребятами, вдруг выяснилось, сколько неудобств внесли они в уже размеренную, скроенную на иной лад, без расчета на их присутствие жизнь ленинградцев. Люся была беременна, любила покой, и мать, и Валерий, и Шура ухаживали за ней, выполняли все ее желания и капризы, а с появлением ребят тишины и порядка не стало. Ребята раздражали, поведение Ани, которая, как казалось Люсе, не умеет воспитывать детей и смотрит спустя рукава на их шалости, вместо того, чтобы прикрикнуть на них, заставить вести себя тихо, удивляло Люсю. Она нервничала, и когда ее тошнило или у нее кружилась голова, то все это, казалось ей, происходит из-за ребят.

Оставаясь наедине с мужем, она с каждым днем упорнее и раздраженнее говорила, что так жить дальше невыносимо, он должен что-то сделать, но Валерий, хмурясь, отмалчивался.

Однажды, когда вся семья сидела за вечерним чаем, Люся строго и многозначительно сказала сестре:

— Александра! Тебе надо переезжать в общежитие. Ты видишь, что здесь тесно.

Шура теперь готовилась к занятиям в библиотеке, но это нисколько не стесняло ее, с Аней она подружилась, а на ребят покрикивала не потому, что они мешали ей, а лишь для того, чтобы Люся перестала злиться на них. Теперь она поспешно сказала: «Хорошо, хорошо, я постараюсь»,— и, покраснев, уткнулась лицом в стакан. Ей стало стыдно за сестру, которая прекрасно знала, что мест в институтском общежитии нет.

И всем стало неловко. Чай допили молча. Даже разговорчивый Николка притих, а Ане чай показался таким горьким, словно в него подмешали хины.

Телеграмму принесли рано утром, никто еще не уходил на работу, и когда ее прочли, все обрадовались.

— К папе, к папе! Мы поедем к папе, супранту, панели? [1] — закричал Николка, обняв Шуру и притопывая возле нее.

— Мама, я побегу в школу за документами,— заторопился деловитый Сережка.

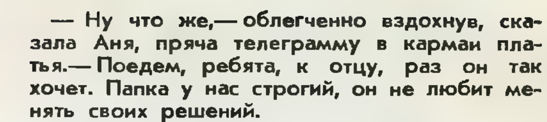
— Я так и знала, что он соскучится по семье,— с милой улыбкой сказала Люся, думая, однако, о том, что теперь в доме опять наступит покой и порядок и никто не будет мять накрахмаленных вышивок на диване.

Шура укоризненно посмотрела на сестру, которую считала бессердечной эгоисткой и ловкой притворщицей.

— Вот и хорошо, вот и хорошо! — сказала она, гладя и прижимая к своему животу Николкину голову. Она была рада за Аню.

— Дурака он свалял,— пробурчал Валерий.— Могли бы и здесь жить. Комнаты недешево стоят.— Но в душе и он был доволен тем, что все так случилось, что он не поддался на уговоры жены, не испортил отношений со старшим братом, которого очень любил и про которого с гордостью рассказывал, что он офицер-пограничник.

[1] Понимаешь, девушка (по-литовски).

— Ну что же,— облегченно вздохнув, сказала Аня, пряча телеграмму в карман платья.— Поедем, ребята, к отцу, раз он так хочет. Папка у нас строгий, он не любит менять своих решений.

А мать устало села на стул, опустив морщинистые, сухие, с набухшими венами руки меж колен, и печально и пытливо посмотрела на Аню. Она прекрасно понимала, по чьему почину родилась эта телеграмма.

— Что же делать! — сказала Аня.— Надо ехать. Отец у нас строгий, он не любит, когда его не слушаются.— Она была сиротой, воспитывалась в детском доме и за годы замужества привязалась душою и к матери мужа, тихой, незаметной, старающейся всем угодить, всех примирить, и к брату мужа, выросшему у нее на глазах, но уезжала теперь от них с радостью.

— Конечно, надо,—подхватила Люся, которой показалось, что Аня может передумать и остаться.— Ему там одиноко одному. А потом эти мужчины, того и гляди...

— А-а! — зло простонала Шура, отстраняя прижавшегося к ней Николку.— «Одиноко, одиноко!»,— передразнила она и ушла, хлопнув дверью.

Тем не менее все были довольны, что так случилось, и уже вечером в доме было весело, никто не сердился на ребят, и Люся, энергично помогая Ане собираться в дорогу, о чем-то все шепталась с ней.

Валерий принес билеты, заперли квартиру, и все поехали на вокзал.

— Здесь,— сказал Костя и, поставив чемоданы, откинул защелку калитки. В доме захрипела, завизжала собачонка, на крыльцо вышла старушка в бязевом колоколе.

— Пожалуйте, пожалуйте,— улыбаясь, говорила она, широко распахнув дверь.— Милости просим.

— Вот мы к вам со всей семьей, — сказала Аня, поднимаясь по ступенькам крыльца.— Здравствуйте.

— Пожалуйте, пожалуйте, у меня и самовар вскипел.

Аня вошла в комнату и, оглядываясь, усталым движением скинула с головы шляпку. Она уже знала, что комната стоит дорого, а старушка только притворяется такой доброй и ласковой.

— Ну вот,— сказал Костя,— устраивайся.

— Есть устраиваться,— ответила Аня.

— Как там, в Питере?

— Хорошо. Все ездили провожать нас на вокзал, шлют тебе привет, а Шура так расчувствовалась, что даже велела поцеловать тебя.

— Ну вот,— повторил он, чтобы сменить разговор.— Давай устраивайся. Будем жить.

Аня подошла к нему, прижалась щекой к холодному его плащу, пахнущему резиной, табаком и еще чем-то особенным, дорогим для нее, чем пахнут только его, Костины, вещи, и вздохнула.

— Будем жить, будем жить,— проговорила она.

А уже было много прожито, и кто знает, сколько еще предстояло им так вот жить, переезжая с места на место, скитаясь то по чужим, то по казенным квартирам...

Дверь на кухню была распахнута, и оттуда слышалось, как Николка, забравшись на табуретку, рассказывал:

— «Лаба дена» — это по-литовски «добрый день». А по-таджикски здороваются совсем по-другому. Там говорят «салям алейкум», а отвечают «алейкум салям», наоборот. Интересно, правда? А еще я умею говорить по-гиляцки...

— Будем жить, будем жить,— повторила Аня, еще теснее прижимаясь щекою к груди мужа.

И опять, как тогда, при виде стоящих журавлей, что-то больно тронуло его, и осторожно, неловко гладя ладонью ее волосы, он подумал, что надо бы сказать ей что-нибудь нежное, трогательное, возвышенное, что она самый лучший, самый мужественный, самый великодушный его друг, что на всем свете для него нету женщины лучше и красивее ее, но он не умел говорить такие слова и, перестав гладить ее волосы, отстранив ее от себя, лишь сказал:

— Ладно, служба, устраивайся.

В ШКОЛЕ И ВОКРУГ НЕЕ

Юл. СЕМЕНОВ

Фото автора.

Как-то в газете мы увидели фотографию развалившейся полуторки. Подпись объясняла, что этот автомобиль передан школе для политехнического обучения. Автор спрашивал: «Разве можно на такой развалине чему-нибудь учить школьников?»

Может, мы бы и согласились с автором раньше, до того, как побывали в ветлужской сельской школе Горьковской области. Школа эта находится в тех некогда глухих местах, что описаны Короленко и Мельниковым-Печерским. Интересная и поучительная история эта стоит того, чтобы о ней рассказать.

В 1946 году сюда приехал директорствовать Николай Николаевич Серебряков. Прямо с вокзала он отправился знакомиться с новым местом работы. Тишину, разлитую над поселком, осторожно трогали пальцы гармониста. Серебряков быстро поднимался на холм, туда, где в рано наступавших сумерках одиноко стояло маленькое здание. В школе не было электричества. В директорском кабинете стоял стол о трех ногах и табуретка. В незастекленных окнах гулял ветер, северный, с запахом брусники. А в этих местах есть примета: ветер брусникой пахнёт — жди холодов. Пустынно было в школе, одиноко и неуютно.

Утром следующего дня перед началом педагогического совета Серебряков пошел в учительскую знакомиться со своими коллегами. Покашливая и поминутно поправляя дужку очков, он начал говорить о том, какой бы ему хотелось видеть школу, какие в ней должны быть созданы порядки.

Первый шаг по пути новых порядков сделал сам директор. Вместе с учителем Е. С. Шароновым в воскресный день он застеклил все окна в школе. А еще через несколько дней Серебряков и Шаронов, но теперь уже вместе с учениками, пошли в лес, срубили там несколько деревьев, выкопали ямы под столбы, и ребята под руководством родителей-электриков провели в школу электричество. Это был праздник. Теперь, когда директор говорил о будущем: о ремонте здания, о пришкольном участке, о том, что все учителя получат со временем квартиры,— скептических улыбок не было. На следующий год, купив на лесозаводе обрезки, Серебряков пригласил нескольких плотников и обратился к ученикам старших классов за помощью. Он так и сказал:

— Ребята, вы должны помочь. Без вас ремонта школы мы провести не сможем.

Какое это удовольствие для пятнадцатилетнего паренька слышать, что без его помощи школа не обойдется! Конечно, откликнулись все как один. Ребята возвращались с работы домой поздно вечером, усталые, с мозолями на руках, пропахшие смолой. Отцы довольно улыбались:

— Трудился, сынок?

— Да, понимаешь...— солидно отвечал тот, и, как равный с равным, отец и сын беседовали о будущем.

Особенно интересна история создания автокласса, гаража и, как любят здесь говорить, автопарка.

Весной 1956 года райсовет передал школе старое здание амбулатории. Старшеклассники сами разобрали его и сами перевезли на территорию школы. Летом с помощью двух рабочих они соорудили механическую мастерскую и автокласс.

Автокласс — гордость школы. В Советском Союзе есть школы, имеющие учебные автомашины. Как правило, это новые машины, подарок шефов. У ветлужан все обстояло иначе.

В один из апрельских дней школа получила из разных организаций четыре древнейших агрегата, в которых с трудом можно было признать автомобили. Учитель автодела В. А. Ожегов сел за руль одного из них, нажал стартер. Мотор со скрежетом заработал. Машина тронулась с места, но тут же отвалились колеса и выскочил карданный вал. Активисты автодела Юра Кучин, Коля Гуров и Юра Малинкин приуныли. Машины пришлось тащить на себе, вместо того чтобы ехать на них.

Но Ожегов сумел сделать так, что эти развалины заинтересовали ребят не меньше, чем блещущие лаком новенькие «Победы». Он, так же как и Серебряков, понимал, что ребятам всегда будет дороже то, что сделано ими самими. Неделями Ожегов не выходил из гаража. Вместе с ним после уроков здесь сидели и школьники: нужно было помогать учителю и механику Н. А. Кузнецову собирать машины. Так на деле, не в классе и не в теории, а в гараже, на практике ребята знакомились с увлекательнейшим искусством автодела. Сейчас у школьников четыре своих автомашины.

Когда из Ветлужской уехала одна строительная организация, после нее осталась бензоколонка и старая, проржавевшая цистерна. В школе об этом сразу же узнали. У учителя Ожегова глаза разгорелись так же, как и у его учеников. Еще бы! Школа может получить свою бензоколонку! Директор съездил в райисполком, и через час после его возвращения десятиклассники отправились «похищать» бензохозяйство. Но «похитить» цистерну оказалось не так-то легко. Строители, свято памятуя правила по-

Н. Н. Серебряков у первоклассников.

жарной безопасности, уезжая, залили в цистерну воды и закопали в землю. Ребята сняли первый слой земли и начали откачивать из цистерны воду старинным пожарным насосом. Откачали больше половины. Совершенно случайно из порванного шланга часть воды начала стекать под цистерну. И вдруг цистерна стала всплывать. Кучин закричал:

— Эврика! Снимите шапки! Вы присутствовали при рождении закона Кучина. Воду надо качать под цистерну! Она поднимется сама!

Молчаливый Малинкин буркнул:

— Эврика, эврика, а закон-то Архимеда!..

Но когда цистерна всплыла, как поплавок, и ее вытащили тросом, кто-то предложил:

— Цистерна теперь наша, а что касается закона, то пусть это будет закон Архимеда — Кучина...

Летом директор упросил райисполком передать школе разваливi шееся здание бывшего леспромхоза. И снова ребята сами разобрали здание, сами, на своих машинах перевезли его в школу и теперь под руководством опытных мастеров строят клуб на двести пятьдесят мест. Школа не собирается просить денег у государства и на оборудование клуба: в мастерских на уроках труда ученики восьмых и девятых классов сами делают стулья, столы, скамейки для своего клуба.

При школе есть интернат для ребят, живущих в отдаленных колхозах. Чтобы питать получше школьников, в зооклассе выводят кроликов. А зооклассом называют кружок, где проходят практику девятиклассники: как раз в девятом классе изучают основы дарвинизма. Работы много: нужно ухаживать за курами, кроликами, морскими свинками.

Общий вид школы и школьного участка.

...Сейчас на пяти гектарах при школе размещаются две мастерские, гараж, автокласс, клуб, спортивный городок, дендрологический участок, домик зоологического класса, географическая и математическая площадки, фруктовый сад, электростанция, два водоема. Все это сделано руками школьников.

Н. Н. Серебряков — один из самых молодых в республике заслуженных учителей. Ему всего сорок четыре года. Общительный, веселый, он сразу же располагает к себе. Мы просим его рассказать о работе:

— У нас много говорят о политехнизации. Мне лично кажется, что политехнизация должна не только привить учащимся любовь к труду и трудовые навыки, но и одновременно помочь нам избавить государство от лишних расходов на школы. У нас в Горьковской области зародился почин рабочих автозавода — строить дома для себя своими руками. Это ведь замечательно! А почему бы ученикам не делать того же в школе? Это позволит сэкономить значительные средства, отпускаемые государством на народное образование...

У своей бензоколонки.

...Стемнело. Под окнами заработала школьная электростанция. Серебряков включил свет. Внизу, в зале, звенели ребячьи голоса:

Пионер, ты ровесник весны,
Пионер, ты надежда страны...

И слова песни, вырвавшись на морозный воздух, полетели над лесами, рассказывая тишине наступающего вечера о хорошем ребячьем счастье...

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИКА СПАСЕНА

Скинув халат, Лукьянченко прошел к умывальнику. Все три операции удались блестяще, настроение было прекрасное, и откуда-то из-под журчащего крана в паузах между фырканьем и всплесками воды раздавался его веселый тенорок:

Помирать нам... рановато,
Есть у нас... еще дома дела!

Анфиса Васильевна, полюбившая эту песенку еще на Ленинградском фронте, где она работала врачом в медсанбате, изредка пела ее и сама. А нынче слушала молча, улыбалась и вспоминала свою молодость. Далекую Удмуртию, Ижевский мединститут; когда-то и она была такой же неутомимой и задорной. Эх, где ты, милая комсомольская юность?! Пронеслось время, как ветер над крышей! Давно ли Аскольд Гаврилович Лукьянченко приезжал к ней из Днепропетровского мединститута на практику, а теперь он уже и хирург и заведующий райздравотделом!

— А вы что ж на обед не собираетесь? — спросил Лукьянченко, заметив, что Анфиса Васильевна не сняла халата.

— У меня еще одна операция,— вздохнула Булычева.— С ребенком беда стряслась.

— А что с ним?

— Мать разиня! Сама ушла за водой, а ребенка одного оставила около горящей плиты. Ну, и трехмесячный мальчуган упал на раскаленное железо. Счастье его, что вообще не превратился в головешку.

В кабинет зашла встревоженная медсестра.

— Беда, Анфиса Васильевна! У ребеночка уже мертвая кожа сошла. Весь животик, ноженьки в крови, всюду раны. Ой, Анфиса Васильевна, умрет он у нас к ночи!

— Ну уж и умрет! Вы только без паники, сестра, без паники! — прервал ее Лукьянченко.— Пойдемте. А вы, Анфиса Васильевна, готовьте ребенка к операции.

Через десять минут Лукьянченко лежал на операционном столе. Рядом на маленьком столике положили истошно кричащего ребенка. Сестры держали его за ручки и ножки. Анфиса Васильевна, в маске и стерильном халате, чуть оттягивала кожу с ноги Лукьянченко и искусно отрезала скальпелем кусочки, накладывая их на раны ребенку. В ногу ввели новокаин, и боли Лукьянченко не чувствовал. Он с завистью наблюдал, как быстро и артистически ловко работали пальцы хирурга Булычевой. И какое спокойствие! Только когда она наклонилась над ним и тихо спросила: «Не больно?»,— Лукьянченко заметил две росинки пота на ее лбу. «Заволнуешься! — подумал он.— Заставили б тебя самого с живого начальства шкуру снимать». Он улыбнулся и сказал:

— Вы не жалейте кожи-то: я длинный!

Из свежих ран на ноге, где кусками была вырезана кожа, обильно текла кровь. Анфиса Васильевна, скрывая беспокойство, старалась остановить ее.

— Вы только не шевелитесь...

В ту же ночь в районной больнице должен был по расписанию дежурить Аскольд Гаврилович. Его освобождали от дежурства, но он пришел, как всегда, точно. Пять раз он выезжал в карете «Скорой помощи», оказывал неотложную помощь больным. А в два часа ночи из села Облои привезли на грузовике тяжело больную колхозницу А. И. Дудченко. И только срочная операция, произведенная Лукьянченко, спасла ее от смерти.

Через месяц мы снова встретились с Лукьянченко.

— Ну как, жив ребенок?

Молодой, веселый, энергичный Лукьянченко дружески тряс мою руку:

— Еще как жив! Поправился, словно на курорте! Такой оптимист! Хотите поглядеть?

Зашла плотная, розовощекая почтальонша и, освободив треть своей кожаной сумки на стол, сказала с улыбкой:

— Получай, Аскольд Гаврилович, очередную порцию. Теперь тебе, чтобы отвечать, двух рук не хватит: жениться надо или секретаря заводить.

— Это что ж за письма? — спросил я.

— Да вот один ваш коллега по перу удружил. Передал для газет информацию об этом случае. И теперь пишут со всех концов света, даже неловко как-то, ей-богу.

С разрешения врача я стал просматривать почту. Моряки с Тихого океана, гордясь поступком Лукьянченко, писали, что с такими врачами, как он, не страшно в любую битву пойти. Большое трогательное письмо прислала из Хабаровска, с улицы Знаменщикова, 56, Татьяна Левина. Несколько лет назад, сделав сложную операцию, один врач спас ей жизнь. Они полюбили друг друга и вскоре поженились. И вот Левина пишет, что ее муж Андрей в деревне Айше (Якутия), так же как и Лукьянченко, дал для пересадки свою кожу и спас от смерти трехлетнюю девочку, у которой были страшные ожоги. Недавно муж умер. Левина решила пойти учиться на врача, чтобы продолжить благородную профессию мужа.

Давно ли Лукьянченко лежал на операционном столе в этой, пропахшей лекарствами Голопристанской больнице, и вот уже из самых дальних уголков страны летят сюда, в херсонские плавни, письма: это советские люди благодарят Аскольда Лукьянченко и беспокоятся о здоровье маленького гражданина Ванюшки Романовича.

А. ГУТОРОВИЧ

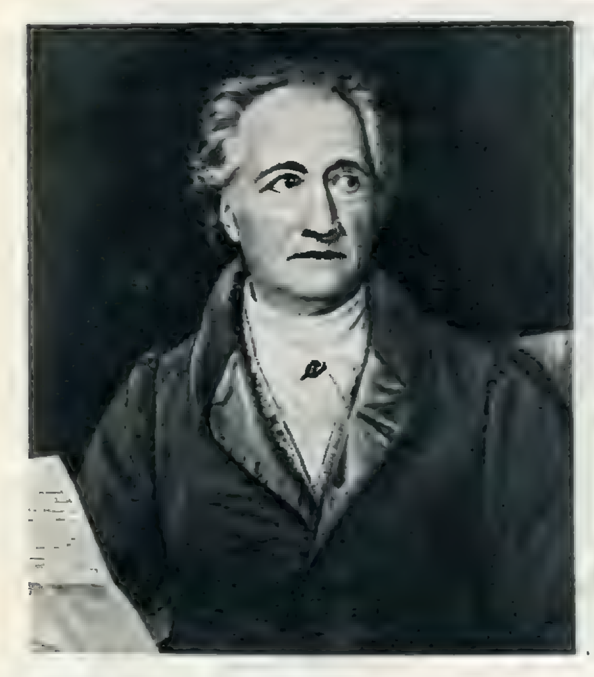

А. Лукьянченко с Ваней Романюком.

Фото А. Альперта.

ВЕЛИКИЙ ГЕТЕ

К 125-летию со дня смерти

В трагедии Гете «Фауст» есть примечательная сцена. В ликующе весенний день Фауст покидает стены своего ученого кабинета, выходит на зеленую поляну за городские ворота и смешивается с толпой ремесленников и крестьян. Радостно взирает он на открывшуюся перед ним картину; ему кажется, что пробудилась не только природа,— воскресли сами люди, вырвавшиеся из тесноты средневековых переулков, из мрака церквей. И именно здесь, среди трудового народа, в этой ликующей весенней толпе, Фауст впервые по-настоящему ощутил себя человеком...

Эта сцена глубоко символична.

Гете принадлежал к славной плеяде великих мыслителей и поэтов XVIII века, которые с фаустовским дерзновением преодолели социальную замкнутость современной им немецкой литературы, смело повернули ее навстречу насущным интересам нации.

Иоганн Вольфганг Гете прожил долгую жизнь. В год его рождения в Германии еще сжигали на костре «ведьм». Мальчиком он присутствовал на коронации очередного императора «Священной Римской империи германской нации». Фактически никакой империи не было — было почти три сотни мелких княжеств и самостоятельных городов.

Французская революция 1789—1794 годов потрясла до основания всю Европу. Находясь на фронте в день битвы при Вальми, когда революционные войска одержали сокрушительную победу над вымуштрованными войсками феодальной коалиции, министр герцогства веймарского Иоганн Вольфганг Гете понял, что старая Европа обречена и что «с этого места и с этого дня начинается новая эпоха всемирной истории». Потом войска Наполеона вторглись на германские земли — и рухнула «Священная империя». Гете сдержанно-равнодушно принял освободительную войну против Франции, ибо понимал, что вдохновители ее думали не о будущем Германии, а только о том, чтобы закрепить ее прошлое. Гете умер в 1832 году. В Европе уже прокладывали первые железные дороги, и только шестнадцать лет оставалось до «Манифеста Коммунистической партии».

Свободу смелую приняв
себе в закон,
Всезрящей мыслию над
миром он носился,—

писал В. А. Жуковский о Гете еще при его жизни.

В молодые годы Гете был настроен бунтарски. Духом возмущения овеяны драма «Гец фон Берлихинген» (1773) и драматический отрывок «Прометей» (1774). Вскоре поэт понял, что бунт одинокой личности трагически бесплоден. Отказ от бунта, однако, не означал принятия всей господствующей системы. Ф. Энгельс тонко подметил, в чем состояло неразрешимое противоречие Гете: «Его темперамент, его энергия, все его духовные стремления толкали его к практической жизни, а практическая жизнь, с которой он сталкивался, была жалка».

Временами голос Гете утрачивал свою силу — возникали произведения, свидетельствовавшие о том, среди какого жалкого убожества жил великий поэт и как ему трудно было освободиться от его влияния. Но нельзя забывать и того, что осторожный Гете о многом умалчивал. Однажды в разговоре старый поэт сказал о французском критике Ампере: «Он глубоко изучил изменчивое течение моей земной карьеры и моих душевных состояний и обнаружил даже способность увидеть то, чего я не высказывал и что можно было прочитать лишь, так сказать, между строк». А критик Ампер прямо писал, что отчаяние погнало Гете из Веймара в Италию.

Важнее другое: в тишине веймарского провинциального захолустья Гете сумел увидеть

Север, Запад, Юг — в
крушеньи,
Тронов трепет, царств
паденье...

Творчество Гете поражает своим размахом и многогранностью. Многообразен, ярок и близок пониманию народа лирический герой его стихотворений. Среди них — и пахарь, бросающий зерна в весеннюю борозду, и юноша, спешащий на свидание, и моряк, радостно приветствующий попутный ветер. Сколько обаяния в его героях из народа — Клерхен в «Эгмонте», Маргарите из «Фауста»! Сколько трагизма в балладе «Коринфская невеста», обличающей кровавую религию распятого бога! И какой величественной эпопеей предстает история исканий Фауста, который после многих блужданий и ошибок в конце долгого и трудного пути находит все же «конечный вывод мудрости земной»:

Лишь тот достоин жизни
и свободы,
Кто каждый день за них
идет на бой!

Заблуждения и ошибки Гете принадлежат прошлому. Его великое гуманистическое наследие обращено в будущее.

С. ТУРАЕВ

Отеген на поле боя

В конце 1956 года вышла книга молодого каракалпакского писателя Джумабая Ташенова «Боевые друзья».

До революции у каракалпакского народа, как и у многих других малых народов России, не было письменности. Современная каракалпакская поэзия опирается на богатое устно-поэтическое творчество народа. А проза — явление совершенно новое.

Во время декады каракалпакской литературы и искусства, проходившей в январе 1957 года в Ташкенте, отмечались первые успехи каракалпакской прозы, достигнутые буквально за несколько последних лет. В числе удачных произведений и повесть Дж. Ташенова. Для развития каракалпакской прозы это — явление примечательное. С интересом прочтет ее и русский читатель.

Автор рассказывает о том, как мужает и закаляется в огне Сталинградской битвы юноша-каракалпак Отеген. Ташенов сам был фронтовиком, и это, несомненно, помогло ему правдиво, в достоверных деталях показать будни войны.

Отеген, наивный юноша, очень старается быть настоящим человеком, настоящим бойцом. В ожидании сражения он со страхом думает, что его могут убить, у него дрожат руки, но самолюбие заставляет его скрыть волнение и делать вид, что он ничего не боится.

Отегену стыдно, когда ему делает замечание старший сержант Владимиров: юноша в первом бою стреляет, закрыв глаза; ему очень стыдно, когда солдат Журба смеется над тем, как во время контратаки Отеген в панике побежал назад. Но страстное желание быть настоящим солдатом помогает юноше преодолеть страх. Писатель передает состояние Отегена в момент, когда тот старается понять, трус он или нет: «Последняя фраза Владимирова насторожила Отегена. «Попадем на сабантуй — это значит будем в бою,— подумал он и сразу же вспомнил все, что пережил в момент бомбежки на переправе.— А ведь бой-то, наверное, пострашнее переправы. Может быть, через несколько часов случится самое страшное... Ударит пуля или осколок и я буду мертв. Я никогда уже не увижу маму, не услышу, как смеется Айсанем, как она поет. Да и вообще ничего не увижу и не услышу».

В центре внимания писателя глубокие переживания героя в бою и перед боем.

Психологически убедительно, что сначала Отеген делается старательным бойцом потому, что не хочет отставать от других. Настоящая же ненависть к врагу приходит позже, когда убивают друга Отегена — Шамурада — и тяжело ранят любимого командира Владимирова. Эта ненависть делает Отегена сознательным бойцом.

М. ФАМИНСКАЯ

Дж. Ташенов. Боевые друзья. Государственное издательство Узбекской ССР. Ташкент. 1956. Авторизованный перевод с каракалпакского В. Мильчакова. 88 стр.

Эпиграммы

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

СКОРОПОРТЯЩИЙСЯ ТОВАР

Энтузиазм, мои друзья,
Сравнил бы с устрицами я:
Товар тот свежестью хорош —
Перележав, он стоит грош.
Порыв и воодушевленье —
Продукт, негодный для соленья...

ОБЩЕСТВО

С большой вечеринки дорогой прямой
Ученый к себе возвратился домой.
— Ну, как?
— Если б книг это было собранье,
Я их прочитать не имел бы желанья.

ОРИГИНАЛУ

Он говорит: «Не из какой я школы,
Живых мне слушать — труд тяжелый,
Я подражанью чужд вполне,
Покойных опыт — не по мне».
Сказать бы мог короче он:
«Я глуп на собственный фасон».

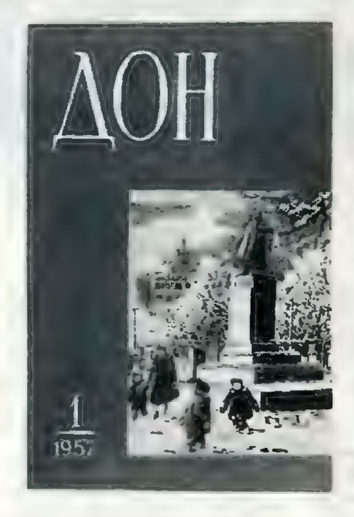
ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Учитель
Дитя! Ты мне ответ свой дать сумеешь.
Откуда все, что ты имеешь?
Дитя
От папы все я получил.
Учитель
А он откуда взял?
Дитя
Все дед ему вручил.
Учитель
А дед? Ужели все ему его дал папа?
Дитя
Тот сам все сцапал...

Перевел с немецкого Борис ТИМОФЕЕВ.

В русском переводе печатаются впервые.

НОВЫЕ ЖУРНАЛЫ

Вышли из печати первые номера новых ежемесячных литературно-художественных и общественно-политических журналов: «Дон», орган Ростовского областного отделения Союза писателей СССР, «Москва», орган Союза писателей СССР и Московского отделения СП СССР.

Опытный образец автобуса «ЛАЗ-695».

— Я еще раз повторяю вам: Горьковский автомобильный завод «Победу» с конвейера пока не снимает... В 1957 году будет выпущено несколько тысяч «Побед». «Волгу» завод первое время будет выпускать параллельно с «Победой». Да-да... параллельно... Сроки полного перехода на автомобиль «Волга» будут определены во втором полугодии...

Подобные телефонные разговоры приходится часто вести главному конструктору Министерства автомобильной промышленности Евгению Борисовичу Арманду с настойчивыми автолюбителями.

Мы попросили его рассказать нам об автомобилях 1957 года.

Новая модель, новое... Иному кажется, что новое обязательно должно даже по внешнему виду резко отличаться от прежнего, старого. Хочется, чтобы в машине новой модели ничто не повторялось из предыдущих образцов. Однако конструкторы не торопятся удивить нас вычурными, невиданными формами машин: ведь это экономически не всегда выгодно. Зато они непрестанно совершенствуют «узлы» существующих автомобилей.

Возьмите «ЗИМ» — многоместную комфортабельную машину. Знаете ли вы, что шестицилиндровый двигатель этого лимузина обладал когда-то мощностью всего в 60 лошадиных сил, то есть был ненамного сильнее четырехцилиндрового двигателя теперешней «Победы»? Совершенствуя мотор, удалось поднять его мощность до 75 лошадиных сил. Механическое «сердце» «ЗИМа» постепенно крепло. Конструкторы увеличили степень сжатия горючей смеси, добились того, что цилиндры стали наполняться легче и быстрей. В итоге мощность мотора возросла в полтора раза. На автомобилях этого класса в Западной Европе устанавливаются двигатели с рабочим объемом цилиндров в 4,2 литра. А у зимовского мотора объем цилиндров — всего 3,5 литра!

Двигатель «ЗИМа» достиг «потолка». Совершенствовать его дальше не имеет смысла. А между тем машине класса «ЗИМ» в наше время нужен еще более мощный двигатель. Как быть?

И конструкторы сделали новый шаг. Они решили создать для «ЗИМа» новый, восьмицилиндровый двигатель мощностью в полтораста лошадиных сил. Сейчас уже имеются макеты двигателя, закончен его технический проект.

Новый двигатель, возрастающие скорости потребуют многое изменить в конструкции автомобиля. Так у нас на глазах примелькавшийся «ЗИМ» переживает свое второе рождение.

АВТОМОБИЛИ 1957 ГОДА

С. ГУЩЕВ

Мы беседуем о горьковских автомобилях, о конструкторах «ГАЗа».

— Кстати, — говорит Е. Б. Арманд, — как вам нравится продукция их соседа, Ульяновского завода? Посмотрите, что сделали ульяновцы из «ГАЗ-69» — маленькой машины для сельских районов! — Он открывает фотоальбом. — Это санитарная машина для села. А это грузовой фургон, вмещающий 800—900 килограммов груза. И тот и другой вариант в 1957 году будет выпускаться в массовом количестве.

А вот совершенно новый тип машины, рождающейся в 1957 году. Фургон «санитарки» превратился в крошечный автобус. Он вмещает 8—10 пассажиров и станет незаменимым своеобразным такси в сельских районах. Проектировщики хотят, чтобы такая машина — «УАЗ-450» — жила в двух вариантах — с одной и с двумя ведущими осями. Тогда она пригодится для служебных поездок, для обслуживания санаториев, домов отдыха и геологоразведочных партий.

Среди новых машин появится целое семейство «Москвичей». Спроектирован «Москвич»-такси. У него две дверцы, сиденья для четырех пассажиров; просторный кузов будет красиво остеклен. Скоро начнется выпуск «Москвича» в виде фургона. Малолитражка становится тружеником, без которого сегодня не обойтись большим городам. Чтобы ей работалось легче, на нее ставят новый, верхнеклапанный двигатель в 40—46 лошадиных сил.

Массовый переход автомобильных двигателей на верхнее расположение клапанов — характерная черта машин 1957 года. Новая для советских автомобилей система расположения клапанов (в отличие от распространенной у нас нижнеклапанной системы) делает мотор сильнее и в то же время позволяет экономить 7—10 процентов горючего.

Давно настало время конструкторам всерьез позаботиться о незаслуженно забытых мотоколясках, или, как их еще называют, микролитражных автомобилях. Этот вид транспорта, широко распространенный в странах Западной Европы, у нас пока имеет только вспомогательное значение. Предназначен он лишь для инвалидов. В этом году будет выпущено 20 тысяч таких мотоколясок. Во втором полугодии инженеры закончат проектирование четырехколесной машины для инвалидов.

1957 год станет большим годом для строителей автобусов, говорит главный конструктор министерства. Никогда еще в Советском Союзе не выпускалось их так много и в таком разнообразии.

На ярко раскрашенном, огромном, как вагон, автобусе поблескивает марка «Львов». Это «ЛАЗ-695», новый автобус Львовского автомобильного завода. Чем он интересен? Конструкторы задумали основание автобуса в виде жесткой, прочной платформы, поставленной на колеса. Она принимает на себя все нагрузки при езде, всю тяжесть груза, пассажиров, двигателя. Вспомним, что в зиловском автобусе эти функции выполняет весь кузов, поэто-

Автомобиль-фургон «УАЗ-450».
Из альбома Министерства автомобильной промышленности.

Таким будет 40-тонный грузовик Минского завода. Из альбома Министерства автомобильной промышленности.

Модернизированный вариант грузового автомобиля «ЗИЛ-150».

му-то здесь столько стоек, затрудняющих обзор, поэтому и окна тут невелики. Иное дело — львовский автобус. Кажется, что его платформу с двигателем и уже установленными сиденьями для пассажиров в последнюю минуту, перед тем как выпустить с завода, накрыли сверху очень легким колпаком из небьющегося стекла. Вот и весь кузов. Легкий, он стал шире, выше, вместительней. Здесь 34 места для сидения. А всего автобус вмещает 60 человек.

Создано три варианта автобуса: туристский, пригородный и городской. Самый комфортабельный из них — туристский. Его можно узнать по единственной широкой двери и мягким откидывающимся креслам, как на самолете. По таким маршрутам, как, например, Москва — Ногинск, скоро будут пущены львовские пригородные автобусы. Они проще по отделке, но очень удобны. Первые сотни новых городских автобусов (с двумя дверьми) будут обслуживать участников VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Для работы в трудных условиях районных дорог предназначен небольшой (всего на 28—40 человек) автобус вагонного типа — «ПАЗ-652». К его серийному выпуску приступает Павловский автомобильный завод, расположенный на Оке, в том самом городе, что был некогда центром кустарей.

Московский автозавод имени Лихачева усовершенствовал модель «ЗИЛ-155». Новый вариант автобуса — «ЗИЛ-158» — стал на один отсек больше и имеет теперь 36 мест (было 32).

Там, где дело идет об удобстве пассажиров, наши автомобилестроители успешно перенимают лучший опыт зарубежных конструкторов. В Париже, Риме и других больших европейских городах автобусы останавливаются чуть ли не на каждом перекрестке. Так удобно для пассажиров. А не снижает ли это скорость движения машины? Опыт показывает, что нет. Но для этого нужно, чтобы двигатель был мощным, чтобы автобус быстро, с места набирал скорость, «прыжком» преодолевая промежутки между остановками, и имел бы хорошие тормоза. Такую машину — «ЗИЛ-129» — сейчас окончательно отрабатывают конструкторы. Сорокаместный автобус снабжен новым, восьмицилиндровым мотором мощностью, в два раза большей, чем у его предшественников. Хорошо продумана и внутренняя планировка, расширена, в частности, задняя площадка, позволяющая избежать сутолоки.

Новый автобус будет тщательно отделан внутри: красивые плафоны, обивочные ткани, пластикаты. В диванных сиденьях вместо пружин будет использована губчатая резина. Она мягче и легче.

Мы попросили Е. Б. Арманда рассказать о новинках грузового автотранспорта. Он охотно делает это.

Советский Союз занимает сейчас второе место в мире по количеству выпускаемых грузовых машин. Не так давно, казалось бы, появились у нас могучие 25-тонные минские самосвалы. Чем они выгодны? Чем больше машина, тем больше полезного груза на каждую тонну собственного веса она поднимает, тем дешевле обходятся перевозки. Вдумайтесь в эти цифры: везет машина двухтонный груз, а сама весит больше, чем этот груз, — 2,3 тонны. Машина, поднимающая 7 тонн, весит уже 6,4 тонны. А «МАЗ-525», перевозящий 25 тонн, весит всего 18 тонн. Вот если бы удалось построить грузовик, перевозящий тяжести вдвое больше его собственного веса! Создаваемые образцы 40-тонного самосвала «МАЗ-530» будут весить 35 тонн. Управлять такой махиной без вспомогательных устройств невозможно. Поэтому все управление передачами здесь полностью автоматизируется. Сейчас создан лесовоз-тягач «МАЗ-529», перевозящий не пять кубометров леса, как нынешние лесовозы, а сразу пятнадцать.

Минский автомобильный завод одновременно с обычными самосвалами «МАЗ-205» будет строить машину «МАЗ-506». Кузов ее опрокидывается не назад, а набок — вправо и влево. Такая конструкция сделана по просьбе гидростроителей. Она позволит самосвалам разгружаться на ходу, не останавливаясь. Еще более универсальное устройство готовит к выпуску Ярославский автомобильный завод. С помощью этого устройства 12-тонный трехосный самосвал сможет опрокидывать кузов в любую сторону.

Кто из нас не знает машину «ЗИЛ-150»? Увидев модернизированный вариант этой машины, вы, пожалуй, не узнаете ее: новая облицовка радиатора низкая, широкая, компактная. Двигатель ее, снабженный новым карбюратором, стал еще мощнее и экономичнее. В кабине водителя улучшена вентиляция, стало тепло.

И еще одно знаменательное событие, радующее всех шоферов, произойдет в 1957 году: снимается с производства последний «ихтиозавр» грузового транспорта — грузовик «Урал-ЗИС». Вместо него Уральский автозавод начнет производство мощного, 3,5-тонного грузовика с двигателем в 90 лошадиных сил.

1957 год станет годом массового выпуска различных автоприцепов. Мытищинский, Павловский, Минский заводы выпустят тысячи прицепов грузоподъемностью от 4 до 12 тонн.

* * *

— В плане Министерства автомобильной промышленности СССР на 1957 год,— сказал нам руководитель группы планирования автомобильной промышленности Госэкономкомиссии СССР В. С. Смуров,— записано: освоить выпуск 14 новых типов машин и 2 типа модернизировать. Эта задача по плечу автомобильной промышленности. Однако для ее выполнения министерство и автомобильные заводы должны устранить недостатки, мешавшие работе в 1956 году.

По выпуску автомобилей заводы выполнили план 1956 года на 99,9 процента. А вот как обстоит дело с освоением новой техники: из 945 запланированных машин «Волга» выпущено всего 5. «Москвичей» «М-410» (повышенной проходимости) намечали сделать 200, не дали ни одного. Кутаисский и Ярославский заводы, которые должны были выпустить сотни тягачей и полуприцепов, производят их буквально единицами. Например, Кутаисский завод вместо 842 машин «КАЗ-600» изготовил в 1956 году всего 4 автомобиля.

Министерство намерено в 1957 году начать выпуск модернизированного варианта грузовика «ЗИЛ-150». Но эту модернизацию завод должен был осуществить еще в прошлом году, и только из-за явной неповоротливости министерства и руководителей Московского автозавода имени Лихачева невыполненное задание было перенесено на 1957 год.

Когда, например, появится «Волга»? Серийный выпуск этих автомобилей начнется весной, однако осваивают «Волгу» так медленно, что «Победа» еще не скоро уступит ей место. Во всяком случае, не в 1957 году... И, затянув сроки освоения автомобилей «Волга», завод в этом году будет изготавливать их с двигателями и механизмами, не соответствующими тем высоким техническим характеристикам, которые рекламировались министерством.

Фургоны... С мая 1956 года, когда был снят с производства старый «Москвич», страна перестала получать легкие автофургоны. Фургона на базе нового «Москвича» до сих пор нет. Очень хороши фургоны на базе «ГАЗ-69». Однако существуют они пока лишь на красивых рисунках в альбоме министерства...

Вместо 100 автобусов «ЛАЗ-695» (по плану) Львовский завод в прошлом году сделал всего три. А за январь нынешнего года вместо запланированных 35 автобусов выпустил опять 3 автобуса. Вряд ли завод успеет дать к фестивалю «сотни» автобусов, если будет работать такими темпами.

Производство автобусов «ЗИЛ-129» Министерство автомобильной промышленности не предусмотрело в плане на 1957 год, так как конструкция этих автобусов потребовала коренного улучшения. Столичный автозавод, надо сказать это прямо, не является образцовым по внедрению новой техники.

Другой завод министерства, Павловский, давно готовится к выпуску автобусов «ПАЗ-652», в то время как небольшой завод Латвийской республики уже второй год выпускает подобные автобусы.

И, наконец, о прицепах. Почему сельское хозяйство должно получать их в полтора раза более тяжелыми, чем аналогичные прицепы зарубежного производства? Советские автомобилестроители должны решительно покончить с неповоротливостью, консервативным отношением к новой технике, наблюдающимися на некоторых автомобильных заводах.

Автобус межрайонного и пригородного сообщения «ПАЗ-652».

Ю. И. Пименов. ЛАТВИЙСКИЙ РЫНОК

Ю. И. Пименов. ЛАТВИЙСКИЙ РЫНОК

У. Тансыкбаев. ПЕЙЗАЖ С РЕЧКОЙ.

Четвертая выставка произведений действительных членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР.

А. А. Пластов. ПОРТРЕТ.

Четвертая выставка произведений действительных членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР.

ОТ ТЬМЫ К СВЕТУ

Рассказ

Мулк Радж АНАНД

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Осенью прошлого года я побывал в Мангале и любовался там новой плотиной, преградившей русло одной из древнейших водных артерий Пятиречья. Было уже за полдень, и солнце словно зажигало костры на поверхности каналов, а земля вокруг походила на кованое золото. Мощные опорные колонны плотины, казалось, вели беседу с небесами. Я глядел на все это чудо, и вдруг с моих губ сами собой слетели слова на родном пенджаби:

«Из пустыни поднялся этот Мангал!» [1].

Мой голос донесся до слуха работавшего рядом электротехника силовой станции. Он подхватил мои слова и продолжал с легким акцентом, выдававшим человека с Севера:

«Скоро зелень ростков потянется вверх, напоенная этим нектаром».

По ритму фразы я понял, что у человека этого задатки поэта. Через минуту я услышал, как он напевает себе под нос строфу из нашего знаменитого пенджабского эпоса «Хир и Ранджха». Охваченный чувством тихой грусти, я попросил его спеть еще. Вместо этого он принялся рассказывать мне историю мангальской плотины.

Я передаю эту историю так, как мне поведал ее поэт-самородок по имени Бали. Напевный строй повествования только подчеркивал драматическую напряженность событий, о которых шла речь. Это был вполне современный рассказ, словно рассказчик знал о законе единства времени и места.

* * *

— Из всех богов и богинь нашей страны, — так начал Бали,— нет выше, чем Шакти. Собственно говоря, все есть Шакти: душа и тело, земля и небо, реки, берущие начало оттуда, где смыкаются земля и небесная твердь...

Но откуда было знать эту истину крестьянам деревни Камли? Когда мрак безумия опускается на душу человека, он готов растерзать и растоптать самое близкое и дорогое; когда неверный свет дурных предзнаменований отбрасывает вокруг него свои тени, разве может человек, будь то мужчина, женщина или дитя, увидеть ожидающее его великое благо сквозь туман пагубного страха?

И когда эта власть тьмы искажает очертания всего окружающего и словно освобождает нас от законов дневного света, хотя на деле увлекает нас в пропасть; когда люди сами поклоняются всем ужасам преисподней и ее богу Яме, тогда остается только закрыть глаза, заглянуть в собственную душу и молча искать в себе силу встретить грядущее, хотя бы и полное неизвестности...

Самая глубокая истина наших дней, брат мой, состоит в том, что мы уже способны на большие дела. Я, Бали, знаю теперь многое об электричестве. Вот на этих больших сооружениях засияют огни, которые освободят людей от пут, помогут им победить самих себя, дадут им то, чего они желают для себя и своих детей...

Но как показать этот дух света тем, у кого ум блуждает во мраке, а в сердце живет смерть?

«Если есть такой свет, покажи его нам! — говорили жители деревни Камли. — Разве посмеет твое электричество соперничать с нашей матерью, богиней Камли, именем которой названа наша деревня? Большое чудовище из цемента и стали, которое ты помогаешь строить, — это оскорбление нашей старой богине. Долгие века указывает она путь солнцу, луне и светилам. И каждый кусок нашей земли насыщен духом Камли. У нас бывали хорошие урожаи и даже обильные, а тут пришли вы, чужаки, и пожираете хлеб из наших запасов, отнимаете его у наших детей!.. И теперь те, кто у власти, говорят, что наша деревня Камли должна уйти под воду и на ее месте будет большое озеро. Они хотят, чтобы мы покинули родные места, пока вода не наполнила эти громады из бетона и железа и не хлынула по каналам!.. Правда, они обещают заплатить нам и дать взамен непаханую землю где-то в Чандигархе и, говорят, уже построили для нас дома из дерева в тех местах, где впервые явилась богиня Чанди, когда она спускалась в долину с далеких вершин Дхаула Дхар... Безбожники и обманщики! Они упились вином власти... Для них ничто наша вера и старые боги! И подумать только, что в этот безбожный век премьер-министром у нас человек, который сам является брахманом! Берегитесь, люди, грядет мрак!»

Между тем работы на плотине шли своим чередом. Все ближе подходило время, когда воды искусственного озера должны были затопить маленькую деревню Камли. Но крестьяне не двигались с места...

И вот на моих глазах разыгрались события, конец которых был счастливым, но ты не знаешь, брат мой, как следовали эти события одно за другим. Сегодня я уже могу рассказывать спокойно об этой зловещей борьбе, но бывали минуты, когда над нами висела смертельная угроза, и несчастья удалось избежать только потому, что нашлись люди, сумевшие победить самих себя. В те минуты, когда из толпы неслись только ругательства, проклятия и угрозы, я мысленно взывал к памяти моей матери, как это делает человек в крайней беде.

— Расскажи мне, брат Бали, как шла эта борьба, — прервал я рассказчика.

Он на мгновение закрыл глаза, словно восстанавливая в памяти каждый акт этой драмы селения Камли, ныне уже лежащего на дне озера Мангал. Потом он снова поднял веки. Он был слегка косоглаз. Я вспомнил Александра Великого, о котором говорили, что левым глазом он видит мудрость неба, а правым — мудрость земли.

— Своим любопытством ты подобен ребенку, брат, — заговорил снова Бали. — Если только мой рассказ может пробудить в тебе сочувствие к судьбам людей, я доскажу его до конца, а ты сам извлечешь из него то, что тебе нужно... Много лет — я думаю, очень много — в самой середине долины, теперь уже затопленной озером, стояла одинокая деревня Камли, та самая, о которой я веду речь.

В ней проживало всего лишь семьдесят душ. Но, как говорили, пятеро из жителей Камли значили много больше, чем все остальные — погрязшие в невежестве крестьяне. Эти пятеро внушали односельчанам страх перед светом и веру в могущество тьмы.

Главным среди пятерых был помещик по имени Виру. У него было много бигх [2] земли, и к тому же он являлся старостой деревни. Человек преклонного возраста — лет около восьмидесяти, — он правил всей жизнью Камли, присосавшись к крестьянам, как пиявка к живому телу. Распутного сынка его звали Пракаш; этот юнец таскал ценные вещи у ма-

[1] Мангал — на пенджаби означает «счастье».

[2] Бигха — около 0,25 га.

рот в их присутствии, он всегда говорил разумные слова и неизменно заботился о том, чтобы односельчане узнали правду. Это он шел со мной по деревне и бил в барабан в тот день, когда мне пришлось запеть свою

В конце концов старейшины решили отрядить Баба Тарачанда, бакалавра искусств, к тахсилдару[5] в город Мангал. Посланец должен был выразить опасения старейшин: безбожное дело привело в расстройство жизнь деревни. Тарачанд был весьма польщен возможностью встретиться с тахсилдаром и вернулся из города с высоко поднятым носом.

«Саркар[6] обещал выдать нам деньги за то, что мы переселимся в поселок возле Чанди-

тери и продавал их в Амбале. Отец его не любил, зато мать баловала, как могла, — без конца пичкала простоквашей с маисовыми лепешками, обильно заправляла маслом шпинат. Однажды Пракаш избил свою сестру Яшоду за то, что она на минуту задержалась у колодца — послушать издали, как я напеваю из «Хир и Ранджхи». Этот звереныш показал свои когти в те дни, когда деревня была охвачена ненавистью против нас.

К кучке зловредных людей принадлежал и золотых дел мастер по имени Рам Джавайя, важное лицо в деревне. С его засаленной черной шапочки свисала пушистая кисть. Ему часто приходилось стоять у горна, в котором он плавил взятые у крестьян в залог мелкие золотые вещи. Ресницы и веки были у него обожжены, но это не мешало ему быть зорким, как все хищники. В любом деле он усматривал только зло. Коварство этого человека оставалось неизменным на протяжении пятидесяти пяти лет, которые он прожил на земле. Говорили, что левая рука его не знала, сколько золота награбила у бедняков правая. Много земли он оттягал у крестьян за долги, занесенные в большую счетную книгу, — опытный писец, он ловко подделывал эти записи. Сын его, Дхарам Дев, не был таким отъявленным негодяем, как Пракаш, сын землевладельца Виру. Зато этот бледнолицый юнец с отвисшим подбородком был безудержным хвастуном. То и дело он теребил свои редкие усики, — наверно, чтобы придать себе храбрости.

Был среди деревенской знати увертливый, ловкий молодой человек, его звали Тарачанд. Он прожил некоторое время в городе и вернулся с дипломом бакалавра искусств, хотя добивался судебного чина, но стать вакилем[1] ему так и не удалось. Говорили, что из-за злобного и мстительного характера его не взяли чиновником даже английские власти. Мне всегда казалось, что этот человек, самовольно продавший земельный участок своей матери, способен продать и свою родительницу либо поджечь деревню, если бы это было ему выгодно. Впрочем, он-то и разжигал в те дни огонь ненависти, за что бедняки чуть не поплатились всем своим добром.

Наконец, в кружок избранных входили два брата —Джарнел и Карнел Сингхи, крестьяне среднего достатка. Оба служили сипаями в британских войсках и вернулись домой: один в чине сержанта, другой — капрала. Оба мало чему научились за долгие странствия по земле, но одного они не могли забыть: тех двух участков земли, которые отвел им английский начальник в округе Лайалпур к северу от канала Вагха; после раздела страны им пришлось покинуть эти участки...

В деревне Камли жил еще молодой парень Бхарат Рам, сын вдовы Сиддхи. Он изучил профессию механика в одном из гаражей города Патиала. Механик держался в стороне от «старейших». Он был скуп на слова, но чувствовалось, что этот человек ни во что не ставит всю эту шайку. Когда ему доводилось открыть

[1] Вакиль — судебное звание.

песню, чтобы отвести от деревни нависшую над ней беду.

— Но как же возникли беспорядки и что произошло в деревне?! — воскликнул я, не в силах сдержать нетерпение.

— Не торопись, брат,— отвечал Бали.— Вспомни слова поэта Кабира: «То, что варится долго, становится вкусным блюдом». Я все расскажу, будь только терпелив.

— Говори же, брат мой; говори! — просил я.

— Вначале,— продолжал рассказчик,— жители Камли ни о чем не подозревали. Они знали только свои древние обычаи и твердо следовали им. Их богом был Обычай. То, что было хорошо для их предков, хорошо и для них — так думали они всегда. Они не заглядывали в будущее и не отдавали себе отчета даже в собственных желаниях. Слепо следуя обычаю, каждый терпел свои беды в одиночку и лишь изредка изумлялся тому, в какой густой паутине страданий запутались они все. При этом люди не переставали враждовать друг с другом, и вражда эта переходила из поколения в поколение.

Вражда существовала и среди старейшин. Землевладелец Виру считал, что золотых дел мастер Рам Джавайя отравляет своим присутствием воздух деревни. А ростовщик, в свою очередь, был убежден, что упадок в делах произошел по вине Баба Тарачанда, бакалавра искусств, этого говоруна, который мешает слова пенджаби с ангрези[2] и наряжается, как павлин, на английский манер, лишь бы произвести впечатление, а всех разумных и приличных людей готов выбросить на мусорную свалку. Братья Джарнел и Карнел Сингхи трудились на земле, у них не было времени размышлять над всем этим; но в свободную минуту они принимались чесать затылок и мечтали о том времени, когда эти богачи Виру и Рам Джавайя, по очереди командующие деревней, уступят наконец место другим, и тогда один из братьев станет чаудхри[3].

При всей розни старейшин деревни мучила одна общая забота: своих сыновей они все чаще встречали в компании этого механика Бхарата Рама, сына вдовы Сиддхи, — он охотно катал юнцов на своем «пхат-пхатти»[4].

В первые месяцы строительства плотины старейшины подолгу глядели, разинув рот, на яркое зарево, стоявшее по ночам над холмами, окаймлявшими долину. Потом они стали посылать проклятия этим безбожникам, которые попирают законы природы и уничтожают границу между днем и ночью. А когда они увидели, что «пхат-пхатти» их односельчанина механика Бхарата ежедневно совершает путь к плотине, вырастающей в трех милях от деревни, а с ним вместе, пристроившись сзади, мчатся их сыновья, они возненавидели механика еще больше, чем строителей дьявольского сооружения. К тому же крестьяне Камли стали наниматься на стройку, и там им платили много больше, чем получали они за работу на землях старейшин...

[2] Ангрези — английский язык.
[3] Чаудхри — староста.
[4] Пхат-пхатти — мотоцикл.

гарха. А деревню зальют воды искусственного озера, оно заполнит всю долину между холмами. Я попросил саркара отвести нам пятерым лучшие участки там, у подножия Гималаев...»

«Возмещение?» — воскликнул в изумлении Виру.

«За то, что мы покинем свои дома?» — возмутился Рам Джавайя.

«Поселок возле Чандигарха? — допытывался Джарнел Сингх.— Ты хочешь сказать, сын олуха, что ты дал согласие за нас всех?.. И нам придется уходить из нашей деревни?..»

«...Из деревни, которая есть воплощение самой богини?» — подхватил Виру.

«Возле Чандигарха нет ничего похожего на те земли, которые были у нас в Лайалпуре! — закричал Карнел Сингх.— Но что понимает в земле этот ученый осел Тарачанд!..»

«Берегитесь, люди, грядет мрак! — воскликнул Рам Джавайя.— Тарачанд продал нас всех, он и мать свою готов продать за подачку, которую ему обещал тахсилдар».

«Дядя,— ответил бакалавр искусств.— Я не продал ни деревню, ни вас, ни себя самого. Я с вами. Я тоже считаю преступным заставлять нас покинуть родные очаги, деревню, где похоронены наши предки, уйти на тощие земли Чандигарха, где с утра до ночи дуют песчаные ветры и где никто не покупает домов, пусть даже с самыми толстыми стенами, потому что там нет спасения от песчаных смерчей...»

«Тогда садись, ученый человек! — приказал старый Виру.— Садись и пиши сейчас же саркару: пусть он уберет от нас эту постройку, которая хочет затопить наши холмы, пусть нас оставят в покое!»

«Именно так!» — поддакнул Рам Джавайя.

«Так, так!» — подтвердили Джарнел и Карнел Сингхи.

Правду сказать, Баба Тарачанда, бакалавра, очень соблазняла возможность уехать в Чандигарх: там можно получить должность в каком-нибудь учреждении... Но пришлось подчиниться, и он написал жалобу саркару. В жалобе выражался решительный протест против затопления деревни Камли водами искусственного озера.

Некоторое время старейшины ждали ответа от саркара, томясь в неизвестности. Как ты знаешь, брат, даже в нынешние лучшие времена наши саркары долго тянут с рассмотрением бумаг. Может быть, это оттого, что у них слишком большие склады бумаг, именуемые архивами. К тому же чиновники саркара не привыкли к ответственности. Они невнимательно читают просьбы и передают их комулибо другому, а тому некогда выслушать их доклад. Поэтому на жалобы редко отвечают и не всегда направляют их в более высокие инстанции. Так было и на этот раз — утекло немало времени, пока пришел ответ от саркара на жалобу старейшин Камли...

[5] Тахсилдар — высший административный чин в районе.
[6] Саркар — начальник.

Земляные насыпи на строительстве плотины поднялись чуть не до высоты наших холмов. Рам Джавайя, прикупивший недавно двадцать акров земли (вопреки закону, который запрещал ростовщикам владеть землей), однажды ночью пошел вместе с женой Дхарми молиться богине Камли. Он положил перед алтарем из красного камня серебряную рупию и кокосовый орех и стал просить богиню сойти в глухую ночь на землю, разрушить плотину и спасти деревню, носящую ее имя.

Но время шло, и богиня не являлась. Тогда жена ростовщика Дхарми отважилась и, прокравшись ночью мимо электрических огней, сама совершила магические заклинания неподалеку от строительства. Она поставила на перекрестке дорог глиняный светильник, насыпала возле него немного риса и сахара, так что на земле получилось изображение свастики [1]. Потом она долго шептала заклинания и в темноте незаметно вернулась домой.

Но утром работы на плотине шли так же, как и до заклинания. Рам Джавайя, узнав от жены о неудаче ее ночного моления, заскрипел от злости зубами. Дхарми поделилась своим горем с женой Виру, Калой, а та передала все мужу. Старый Виру стал осыпать яростными ругательствами возвышавшиеся над строительством гигантские железные краны, обзывая их «выдумкой демонов».

Джарнел и Карнел Сингхи тоже стали размышлять над тем, как бы уничтожить плотину, которая выгонит их с насиженного места и затопит поля.

Сардар [2] Джарнел Сингх сказал сардару Карнелу Сингху:

«Брат, надо действовать. Теперь или никогда! Будь у нас одна из этих бомб, в которых, говорят, столько пороха, что они могут взорвать весь мир, мы могли бы вмиг покончить с этой напастью...»

Сардар Карнел Сингх сказал сардару Джарнелу Сингху:

«Брат, я знаю одну жидкость, — ее можно налить в бутылку, она взорвется, если швырнуть ее в голову большому инженеру, и убьет его. А когда не станет инженера, то конец всей этой проклятой стройке».

Сардар Джарнел Сингх кивнул головой в знак согласия. Про себя он сильно сомневался: он понимал, что дело тут не в одном главном инженере. Но ему не хотелось разубеждать брата.

Карнел Сингх, больше веривший делам, чем заклинаниям, прокрался в дом к инженеру Шарме. Был час, когда инженер, не помышляя об опасности, мирно совершал вечернюю трапезу. Бывший сипай швырнул бутылку в голову инженера и убежал, поджав хвост, как бродячий пес.

Бутылка, к счастью, не разбилась, и лицо инженера не было изуродовано. Полиция повела следствие. На жителя деревни Камли, сардара Карнела Сингха, были наложены наручники, и он предстал перед судьей. Судья отправил его в окружную тюрьму Амбалы.

Есть у нас древняя поговорка: «Человек может ограбить другого, взяв у него столько, сколько ему нужно, но если затем ограбят его самого, он принимается грабить снова».

Старейшины Виру, Рам Джавайя, Джарнел Сингх и бакалавр Тарачанд собрались на совет. Они решили отомстить за Карнела Сингха, приказав жителям деревни, нанявшимся на строительство плотины, уйти с работы. Они настрого запретили молодым: Пракашу — потомку помещика, Дхараму Деву — отпрыску Рама Джавайя, Даршану и Сударшану — сыновьям Карнела Сингха — встречаться с механиком Бхаратом и ездить на его «пхат-пхатти», потому что эта машина будит по ночам всю деревню и есть не что иное, как исчадие зла.

Крестьяне, хорошо зарабатывавшие на стройке, были в затруднении: бросить работу на плотине — значит потерять деньги; ослушаться старейшин — призвать на себя гнев богини Камли. Они пошли советоваться к механику Бхарату Раму, который работал бригадиром на подъемном кране.

«Я знаю, зачем вы пришли, — сказал Бхарат. — Для меня это — дело решенное, я буду работать, пока не окончится стройка. Если хотите хорошей жизни, не слушайте этих богачей, откладывайте деньги на черный день, вдыхайте воздух нового времени. А если не хотите, отправляйтесь опять гнуть спину на землях Рама Джавайи, которому вы давно уже запродали тело и душу...»

Крестьяне решили продолжать работать на плотине.

Неповиновение вчерашних батраков привело в ярость старосту Виру, золотых дел мастера Рама Джавайя, сардара Джарнела Сингха и Баба Тарачанда, бакалавра. Они собрались перед статуей богини и торжественно провозгласили, что отныне не будут больше делить хлеб и воду с этими бунтовщиками.

Как раз в это время пришел ответ от саркара. Бумага гласила: жалоба старейшин деревни Камли отклоняется, жители немедленно получат возмещение за покидаемые дома, им дадут плодородные земли, которые они смогут возделать после следующего урожая, и все это должно произойти до того, как искусственное озеро начнет затоплять деревню Камли.

Саркар сдержал слово. Тахсилдар Мангала лично прибыл в деревню, чтобы раздать жителям деньги, львиная доля которых пошла пятерым старейшинам, а остальное — бедным крестьянам. Никогда еще старейшины, а тем более крестьяне не видали таких больших денег. Все долго таращили глаза на кучу серебра, потом ставили отпечатки пальцев на бумагах и получали каждый свою долю. Рам Джавайя и Баба Тарачанд, бакалавр, расписались полным именем на хинди и английском.

Ты думаешь, брат, что зловредная пятерка, получив деньги, прекратила свои козни против строителей плотины? Для таких людей, как они, мысль о лучших урожаях на других землях могла бы, казалось, служить каким-то соблазном. Но хотя им и представлялось зрелище волнующейся под свежим ветерком пшеницы возле Чандигарха, они продолжали таить злобу в сердце.

Через несколько дней после того, как полученные деньги были тщательно упрятаны в шкатулки, они снова отправились в храм богини Камли. Старейшины поблагодарили богиню за одержанную с ее помощью победу и тут же попросили еще об одной милости: разрушить плотину, которая хочет отнять у них дома, если только богиня соизволит для этой цели превратиться в сноп молний.

Потом они стали ждать, когда произойдет чудо. Ярко сияло солнце, на небе ни облачка, поэтому не могло быть и молний. Работы на плотине шли еще быстрее, чем раньше; саркар объявил, что затопление должно начаться не позднее конца апреля.

Старейшины ничем не могли повредить плотине. Но тут в дело вступили молодые.

Пракаш как-то попросил механика Бхарата Рама одолжить ему «пхат-пхатти». Но сын помещика не умел управлять машиной, и механик ему отказал. Пракаш затаил обиду.

Он уговорил вислогубого сынка золотых дел мастера и сыновей Карнела Сингха Даршана и Сударшана подстеречь механика на полпути к плотине, избить его и отобрать «пхат-пхатти». Дхарам Дев с большой неохотой согласился участвовать в этой затее, зато братья Даршан и Сударшан, отец которых все еще сидел в тюрьме за нападение на главного инженера Шарму, не прочь были сорвать злобу на механике, тем более, что тот совсем уж загордился, сидя на верхушке своего крана.

Парни вышли ранним утром, еще при свете звезд, и залегли у дороги, выжидая, когда поедет механик. Они услышали, как зарокотал в деревне «пхат-пхатти», и притаились за кустами, откуда им легче было наброситься на свою жертву. Но механик Бхарат Рам промчался мимо них на такой большой скорости, что они не успели даже выскочить из засады. Им ничего не оставалось, как пустить ему вслед залп отборной ругани и наглотаться пыли, которую подняла машина.

На пути домой они посовещались и решили обмануть крестьян, собиравшихся в утреннюю смену. Механик Бхарат, сказали юные негодяи, объявил, что сегодня на строительстве выходной день и никакой работы не будет. Мальчишки рассчитали так: пусть крестьяне не выходят на работу — у них удержат дневной заработок, и тогда их легко удастся натравить на механика. Затея удалась. Они торжественно убеждали крестьян, что механик именно так сказал, — люди поверили и остались дома. Только на следующий день крестьяне поняли, что их обманули. Всей толпой отправились они к дому Бхарата. Тот, в обычной своей немногословной манере, объявил, что ничего не знает. Людям показалось, что Бхарат неспроста цедит слова — он, видно, и есть обманщик, надувший их всех...

Старейшины и их сыновья принялись умело разжигать подозрительность односельчан и добились того, что те стали смотреть косо на механика Бхарата Рама. А когда в конце месяца у крестьян вычли деньги за неявку на работу, толпа, подстрекаемая Пракашем, двинулась к крану Бхарата. Они хотели расправиться с механиком, а заодно разнести вдребезги его «пхат-пхатти».

Механик в это время сидел наверху, в кабине крана, а его мотоцикл мирно стоял у подножия стального гиганта. Сторожа остановили крестьян и нескольких из них арестовали. Тогда Бхарат поспешно спустился вниз и уговорил сторожей отпустить крестьян с миром.

Много на свете разных людей, брат мой; одни смотрят на внешнюю сторону вещей, другие же постигают внутреннюю их суть. Кре-

[1] Свастика — древний индийский символ счастья.
[2] Сардар — уважаемое лицо.

стьянам Камли суждено было еще многое познать на собственном опыте, а механик Бхарат Рам уже ясно понимал то, что происходит в деревне. Он знал, что не так уж трудно заставить крестьян покачать головой утвердительно, а не в знак отрицания; гораздо важнее добиться сдвига в их душе.

Такой внутренний сдвиг не дается легко. Механик сделал доброе дело, избавив людей от неприятностей с полицией. Но крестьяне поверили старейшинам, которые внушали им, что Бхарат Рам только разыгрывает из себя великодушного сахиба. Многие даже просили старосту Виру отлучить механика и его мать от сельской общины. А женщины деревни собрались в храме, вызвали дух богини Камли и потом от ее имени объявили, что старая вдова Сиддхи вскоре умрет...

Несмотря ни на что, могучая машина Мангала работала без устали, и вот уже было объявлено, что всего десять дней остается до того срока, когда деревню Камли зальют воды и силовая станция будет пущена в ход.

На этот раз в деревню приехал не только тахсилдар Мангала — за ним прибыл и начальник округа, он же помощник комиссара. Они снова стали убеждать крестьян выселиться из домов, погрузить пожитки на присланные грузовики и отправиться на новые земли, отведенные им возле Чандигарха. Помощник комиссара впервые в жизни произнес речь на языке пенджаби. И хотя крестьяне громко смеялись, слушая, как он неправильно произносит слова, их все же тронули его горячие призывы от имени премьер-министра. Он говорил, что интересы Индии должны стоять выше частных интересов и что крестьянам не следует цепляться за свои земельные наделы в деревне Камли.

Неожиданным для всех было молчание старейшин. Казалось, речь комиссара их убедила. Только сардар Джарнел Сингх поднял голос.

«Если вы так заботитесь о нашем благе,— сказал он,— почему же вы держите в тюрьме брата моего Карнела Сингха?»

Помощник комиссара ответил, не колеблясь: «Если только в этом дело, я прикажу завтра же освободить Карнела Сингха, и остающийся срок наказания будет ему прощен».

Полагая, что он разыграл свой главный козырь и жители Камли не будут больше противиться, начальник отправился в свою резиденцию в Мангале, где можно было наконец мирно усесться в удобное кресло и, не торопясь, выпить стакан виски.

Назавтра явился выпущенный из тюрьмы Карнел Сингх. Вся деревня порадовалась этому, и все были убеждены, что теперь старейшины созовут совет и станут уговаривать крестьян погрузиться в машины, все еще стоявшие под баниановым деревом.

Но произошло нечто совсем иное. Старейшины собрались и объявили крестьянам, что освобождение Карнела Сингха есть новая победа деревни над властями и что победа эта одержана по милости богини Камли.

Узнав об этом, помощник комиссара только покачал головой. В его резиденции находились в это время тахсилдар и главный инженер Шарма. Тут же сидел механик Бхарат Рам, которого вызвали, чтобы посоветоваться с ним, как добиться сдвига в сердцах крестьян Камли. Механик молчал, опустив голову.

В конце концов помощник комиссара велел подать свою большую машину и объявил, что пошлет из Мангала полицейские силы, прикажет им окружить деревню Камли и силой увезти ее жителей в Чандигарх.

Но тут механик Бхарат Рам набрался духу, поднял голову и сказал:

«Есть только один человек, который может склонить сердца моих односельчан,— это электротехник Бали, который работает на силовой станции».

— И что же, удалось Бали сделать то, что не удалось другим? — спросил я.

Бали усмехнулся и, блеснув своими косыми глазами, полез в карманы куртки за пачкой сигарет «Чар Минар». Казалось, плавное течение его рассказа на том и окончится: он явно не собирался больше раскрывать рот и спокойно разминал кончик сигареты. А меня еще больше, чем раньше, терзало любопытство: как же все-таки удалось этому Бали разжечь искру в застывших сердцах жителей Камли?

— Продолжай же, брат, не заставляй меня теряться в догадках!

— Задача была решена очень просто,— произнес Бали, выпустив густой клуб дыма.— Я пришел к сахибу начальнику округа и сказал: «Покровитель бедных, я попробую совершить чудо...»

«Не верю в чудеса»,— прервал меня сахиб.

«Простите меня, сэр, я выбрал не то слово. Дайте мне барабан, и пусть пойдет со мной механик Бхарат Рам. Я думаю, мне удастся убедить крестьян Камли переселиться в Чандигарх».

Помощник комиссара недоверчиво покачал головой. Тахсилдара мои слова убедили не больше, чем его начальника. Только главный инженер Шарма встал и сказал:

«Ладно, посмотрим, что у тебя получится. Бери с собой механика Бхарата Рама, и возвращайтесь завтра с хорошими вестями, а если нет, смотри, как бы я не свернул тебе шею...»

— И ты пошел и... совершил чудо? — допытывался я.

— По правде говоря, чуда я не совершил, брат. Мне просто пришла в голову одна мысль — и дело было сделано.

— Но какая же мысль? И что ты сделал?

— В жизни всегда так бывает, брат: когда слова оказываются бесполезными, нужно искать какой-то новый толчок, и он должен быть связан с новой идеей. А новую идею надо облечь в новые слова. Если эти слова идут из самых глубин души, из глубочайших источников движения и речи, тогда они выльются в песню и тронут сердце слушателя. На этой истине держится вся наша поэзия. Все наши святые и поэты приходили с барабаном в руках прославлять песней то, что они выносили в своем сердце.

И вот я не спал всю ночь и искал внутри себя новые слова, которые должны зазвучать, как крик моего сердца. А наутро я направился по дороге в деревню, и механик Бхарат шел со мной рядом. На груди у него висели большая гирлянда цветов и барабан. Он бил в барабан и будил жителей Камли, а я принялся распевать мою новую песню:

Оэй, проснитесь, проснитесь, о братья!
Нищета и гнет пригибали нас долго к земле,
Ветрами и пылью изъедены наши дома,

И терниями были усеяны наши дороги,
Ни звука не было слышно на них,
кроме шага босой ступни
И биенья бездомных сердец...

На дробь барабана, на звуки моей песни сбегались люди.

«Зачем этот косоглазый дьявол поднял всех ни свет ни заря?» — ворчал заспанный Пракаш.

«Кто не знает чумазого электрика Бали!» — вторил ему Даршан Сингх.

«Сын свиньи!» — ругался его брат Сударшан.

«Постойте, сыновья, кажется, в его словах звучит правда»,— остановил их Карнел Сингх.

«И голос его приятен»,— признал Джарнел Сингх.

«Верно, я слышал, как он поет из «Хир и Ранджхи»... Он всегда пел это нам...» — донеслись слова Дхарама Дева.

Но я пел не из «Хир и Ранджхи». Я повторял слова моей новой песни.

«Ну, хорошо, мы уже слышали это,— сказал старый Виру.— Теперь ради раннего утра начни песню во славу бога, пусть песня благословит нашу деревню, пусть исчезнет та дьявольская постройка и снова заколосятся наши урожаи!»

«Оэй, спой песню во славу нашей богини, да ниспошлет она нам богатство!»

«Хорошо, я спою песню во славу богини Камли»,— согласился я. И я запел, не теряя ни минуты:

О дивная хранительница сокровищ насущного хлеба,
Пусть милость твоя ниспошлет нам свою благодать,
О Шакти, воплотившийся в Камли в этом селенье,
О Камли, принявшая образ электричества,
Истекающего из великой плотины Мангала!

«Святотатство!» — закричал старый Виру.

«Богохульство!» — взвизгнул Рам Джавайя.

«Этот человек — лжец!» — подтвердил Баба Тарачанд, бакалавр.

Но я продолжал мою песню:

О дивная хранительница неистощимых запасов пищи,
Давшая имя свое этой деревне
И вновь воплощенная в могучей плотине Мангала!
Мать, подарившая силу этой плотине,
Явись, торжественно и тихо ступая,
Открой простор волнам электрического тока —
И новая жизнь расцветет у твоих ног,
И подымутся стройные стволы деревьев манго,
И нежный аромат цветов разнесется повсюду,
И загудят вокруг трудолюбивые пчелы,
И прилетит мягкий и благостный ветер,
Вздымая рябь на водах каналов,
И заколышутся под его дуновением колосья,
И радостный праздник начнется во всей природе.
Отступят прочь все беды и помехи,
И прозрачные воды Мангал-Сагара
Смоют все людские страданья...

«О, оэй, оэй!» — вздохнул в раздумье Карнел Сингх.

«О Бали, Бали!» — как эхо, отозвался Джарнел.

«Он косоглаз, но голос у него звучный»,— согласился Рам Джавайя.

«Он поэт, хотя сам этого не знает», — определил бакалавр.

«Споем же хором, братья, под звуки барабана механика Бхарата Рама!» — предложил я.

О божественная хранительница неисчерпаемых сокровищ хлеба...

Первыми подхватили песню молодые, за ними вступили голоса всех крестьян Камли. Неуверенно стали подпевать хору старейшины, но ритм барабана и их увлек в общий поток песни. Они подчинились мелодии, но тем самым приняли и слова. Так всей деревней люди шли за мной и пришли к дому сахиба начальника округа и дали согласие переселиться в Чандигарх.

Что поделаешь, брат мой, они и в самом деле верили, что богиня, воплощенная в их родной деревне Камли, теперь перевоплотилась вновь — в электрическую энергию, рожденную новой плотиной.

Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

СТЕПЬ И МОРЕ

Микола НАГНИБЕДА

ПРИЗНАНИЕ

Уже спешат крикливой стаей
На север гуси, пролетая
И над Днепром,
И над лесами,
И над апрельскими степями,
Что раскрываются весне,
Тревожа снова сердце мне...

О степь моя,
Курганы, травы,
Далеких, юных лет забавы,
И песня та, что мать, бывало,
Над колыбелью напевала,
Где дни прошли быстрей минут,
И первый шаг, и первый труд!

Виски покрыты сединою,
Но ты, как молодость, со мною,
О степь моя, всегда со мной,
Как верный друг,
Как брат родной,
Как наставления отца,
Как песнь, которой нет конца.

О степь,
Повсюду ты со мною!..
А чуть апрель дохнет весною
И синь прольется в облака,
Спешу к тебе издалека,
И сердцу не прикажешь:
«Спи!»
Ведь сердце там —
В степи, в степи...

* * *

Когда в степях цветут тюльпаны
И даже в воздухе любовь,
По первоцвету сквозь туманы
Ко мне приходит детство вновь.

Еще цены не зная цвету,
Хоть из цветов его душа,
Оно бежит навстречу лету
И задыхается, спеша.

Оно чуждается заботы,
Не хмурит яростно бровей
И не ведет с досадой счета
Прилетам вешних журавлей.

Спешит, спешит...
Мое босое,
Остановись, поди сюда...
Не узнаешь! Тебя зато я
Узнал, как видишь, без труда.

Смотри,
опять цветут тюльпаны...
Побудь со мною, погоди!
На седину, что, как туманы,
Легла меж нами, не гляди.

Скажи: куда нежданно скрылось,
Когда покинуло меня!
Ведь ты мне снилось, снилось, снилось,
Я без тебя не жил и дня.

Нам так и жить вдвоем на свете
До предназначенной черты.
Уже мои сегодня дети,
Как ты когда-то, мнут цветы.

Уж мне отца не видеть боле,
И не накроет мать на стол.
Иду в безбрежном пестром поле —
Я не легко его прошел.

Но против тьмы дорогой тою
Пойду и дальше, свет любя.
Вот почему, мое босое,
Смотрю открыто на тебя.

МЕЧТА

Вьется стежка в траве,
В белой кипени сад,
Лебединою стаею
Ветки летят.
А по стежке Ананий Белай —
Садовод —
В майском чистом сиянье
Поутру идет.

И мерещится мне,
Что не ветер, нет, нет,
Что-то шепчет ему
Белой яблони цвет.
Он под яблоней стал —
Сколько счастья в очах!
Мнится, белые руки
У него на плечах.

— Тут, в степи, эти яблони
Вырастил я,
В них, степнячках-красавицах,
Юность моя.
Знойный ветер и засуха
Им не страшны.
Мне признательны люди
Степной стороны. —
И добавил,
Рукой указав на сады:
— Нет дороже награды
Для меня за труды.
В этом счастье мое,
И богатство, и честь...
Но мечта у меня
Задушевная есть:

Вот бы яблони эти
Посадить у Кремля,
Чтоб у стен Мавзолея
Встречали рассвет!
Чтоб цвела и цвела
Украины земля
Там, в любимой Москве,
Как весенний привет!..

СТЕПНАЯ БАЛЛАДА

Среди полей необозримых
Четыре тополя стоят...
Стоят, как будто побратимы,
И на степном ветру шумят.

Поедешь к морю — провожают
И долго-долго смотрят вслед.
Вернешься — издали встречают
И шепчут ласково привет.

Я знаю с детства,
там струится
Прозрачный ключ из-под корней.
Четыре девушки-сестрицы
Лежат под сенью тополей.

Легенда с правдой
породнились...
Я помню горестный рассказ:
В чужих полях они трудились,
Своих не знали отродясь.

Они и сеяли и жали
В осенний дождь и в летний зной...
Однажды к Врангелю попали,
Когда с работы шли домой.

И знала лишь в степи пшеница,
За что они в вечерней мгле
Упали рядом, словно птицы,
Раскинув руки по земле.

Красноармейцы схоронили
Под утро их —
и снова в бой...
Шумят на девичьей могиле
Четыре тополя листвой.

Поедешь к морю — провожают
И долго-долго смотрят вслед.
Вернешься — издали встречают
И шепчут ласково привет.

* * *

Степь и море, степь и море —
Затерялось где-то горе,
И куда-то задевались
И печали и усталость.

Рокот волн, шумящий колос —
Двух равнин извечный голос
И на море и на суше
Льется, льется счастьем в душу.

Чайка в море, голубь в небе —
Так и жить хотелось мне бы,
То в седых волнах ныряя,
То над степью пролетая.

В поле птица, в море парус —
Так и жил бы я, не старясь,
Слился с вами на просторе,
Степь и море, степь и море!

Перевел с украинского
Дмитрий СЕДЫХ.

«Переговоры! Ни одного юноши для Алжира!» — этот лозунг, начертанный рабочими на переплетах моста в предместье Парижа, каждый день стирает полиция. Но наутро слова появляются вновь...

Алжирцы Парижа

Владимир ПОЗНЭР,
французский журналист

Вечером тротуары Парижа кишат народом. Над крышами, как гроздья ракет, взрываются световые рекламы — красные, голубые, фиолетовые. Автомашины колоннами скапливаются на перекрестках. Прилавки булочных парижане берут штурмом, а в кафе — это часы вечернего аперитива, проглатываемого тут же, у стойки. Обрывки разговоров, смех, споры, а на улице неистовствует репродуктор, скликая зрителей на очередной киносеанс.

Иное в предместьях Парижа: в Сен-Дени, Обервилье. Шумы города сюда доносятся глухо, а улицы тут почти пустынны. Впрочем, вглядевшись получше, вы заметите в подворотнях группки людей. Они переговариваются о чем-то приглушенными голосами, то и дело кто-нибудь выглянет, внимательно осмотрит улицу. Все это напоминает комендантский час во время осадного положения.

Это алжирцы. Алжирцы Парижа бастуют. Может быть, сейчас появятся полицейские грузовики и станут прочесывать квартал: заскрипят на полном ходу тормоза, из крытых автомашин на мостовую посыплются люди в мундирах с автоматами наготове.

— Руки вверх!

Но пока все тихо. Люди стоят, разговаривают, вдыхают ядовитые испарения близлежащих химических заводов.

Я подхожу к одной из групп и спрашиваю:

— Как пройти на улицу Справедливости?

Люди умолкают.

— Возьмите влево, вдоль канала и потом опять налево... Там и будет улица Справедливости, мосье...

...На улице Справедливости я не застал дома товарища-алжирца, который согласился быть моим гидом. Его молодая жена, живая, веселая француженка, пригласила меня сесть, угостила вином. В комнате было чисто, на полках стояло около сотни книг. В колясочке спал двухнедельный ребенок, меж его круглых щечек угадывался совсем не алжирский носик.

— Я всего три дня, как из больницы,— сказала хозяйка.— В Алжире вся семья моего мужа: мать, сестры. Мне так хотелось бы познакомиться с ними! Они теперь в горах: их выгнали из деревни...

— Вы переписываетесь?

— Нет, там строгая цензура. Они все равно не могли бы ничего рассказать. А мы отсюда тоже не решаемся писать, выжидаем...

На лестнице послышались шаги. Отец новорожденного вошел в комнату.

— Добрый вечер, товарищ. Предложила гостю выпить? — добавил он, обращаясь к жене.

Мы вышли. Мой проводник миновал закрытое кафе и вдруг нырнул в какой-то темный подъезд. Я иду вслед за ним по узкому коридору, сворачиваю, подымаюсь по темной лестнице. Он стучит в какую-то дверь. Она медленно, словно нехотя, приотворяется.

Это нечто вроде задней кладовой кафе; здесь собралось десятка полтора алжирцев. Один из них, высокий, широкоплечий, говорит на безупречном французском языке. Он хозяин кафе. Вместе с ним здесь две его дочери-студентки. Остальные — рабочие. Они бастуют, как, впрочем, и все алжирцы, живущие во Франции: сейчас как раз алжирский вопрос обсуждается в ООН.

Большинство из присутствующих — уроженцы района Мишле в Алжире. Уже месяц, как этот район отрезан от внешнего мира: ни письма, ни посылки родным из Франции туда не доходят. Население голодает. В тех, кто пытается перейти за пределы зоны, стреляют без предупреждения.

— Если бы даже мы работали, все равно денег своим не пошлешь,— толкует один из рабочих.

— Полиция, если найдет у тебя несколько су при обыске, сразу берет на подозрение: а не пожертвования ли это в фонд Национального фронта освобождения? И тут же за решетку, а деньги поминай как звали...

Они говорят все вместе, словно боятся, что не успеют поделиться друг с другом мыслями. Потом один высокий худощавый алжирец обращается ко мне:

— Рассказывают, что дети там, дома, едят траву. Ползают на четвереньках от голода и едят траву...

Я чувствую, как меня охватывает стыд. Я спрашиваю высокого:

— У вас в Алжире дети?

— Их там у меня семеро.

— Пять,— коротко отзывается другой.

— У всех дети там, в Алжире,— подытоживает хозяин кафе.— Душ тридцать наберется вот у этих, что здесь сидят...

На дворе становится все темнее, туман сгущается. Приближается время полицейской облавы. Двое молодых рабочих, разговаривавших вполголоса в нише у двери, здороваются с моим спутником, когда мы проходим мимо них, направляясь к выходу.

Улицы теперь совсем пустынны: ни прохожих, ни машин. Мой гид открывает какую-то дверь — я отступаю от неожиданности: яркий свет, множество людей.

Это кафе принадлежит французам, поэтому оно открыто ночью. Но за столиками одни алжирцы. Большая группа собралась возле радиоприемника.

— Призыв к забастовке встретил горячий отклик в парижском районе,— говорит диктор.— Хотя и не на всех заводах...

Все слушают, затаив дыхание. Я всматриваюсь в лица сидящих за столиками. Много молодежи, есть и старики и люди среднего возраста. Одеты в старые, латаные пиджаки. Грубые, тяжелые руки выглядят неуклюже на мраморе столиков. Эти руки никогда не знали отдыха, пальцы обожжены огнем, изъедены кислотами: во Франции алжирцы заняты на самых тяжелых и низкооплачиваемых работах.

— У нас бросили работу все,— замечает один из слушающих радио.

— А я не знаю, как наши: со вчерашнего дня не был в цехе. Но, по-моему, должны бастовать все.

— В нашей кузнице семеро алжирцев,— вступает в разговор третий.— Пошли и заявили хозяину: «Бастуем». Он спрашивает: «Надолго ли?» «Не знаем,— говорим,— видно будет. В газетах пишут, что на неделю».

Я спрашиваю:

— А как французы?

Но в это время диктор продолжает передачу. Алжирцы слушают внимательно.

Я повторяю свой вопрос:

— А французские рабочие?

Мне не успевают ответить. В дверях появляются двое: старик, опирающийся на металлический костыль, и юноша, поддерживающий его под руку.

— Салют, товарищи! — говорит молодой. Это француз.

Слепой алжирец пробирается между столиками к радиоприемнику. Я думаю о новорожденном, которого видел сегодня на улице Справедливости. Вырастет ли он черноволосым и смуглым, как его отец? Или у него будут каштановые волосы и белое лицо, как у матери? Кем он вырастет: алжирцем, французом? Это решит он сам. Сейчас он растет. Растет, и ему не придется ползать на четвереньках и питаться травой.

Я спрашиваю у своего спутника:

— Как ты назвал сына?

— Рашидом.

— А жену твою как зовут?

— Жанетта.

— Передай ей привет от меня,— сказал я.— Привет и спасибо.

— Передашь ей сам, когда придешь к нам обедать,— отвечает он.

Париж, февраль.

Провода над рельсами

Дымчатым морозным утром мы отправились в рейс по новому, недавно сданному в эксплуатацию электрифицированному участку Омск — Называевская. Машинист Василий Силантьевич Чупин отвел рукоятку контроллера — «набрал позицию»,— и электровоз плавно, осторожно тронул с места состав весом более четырех тысяч тонн. Навстречу побежали металлические опоры с подвешенными на плечах тонкими нитями.

В. С. Чупин — опытный машинист, хотя ему только тридцать пять лет. В конце прошлой пятилетки Василий Силантьевич вместе с товарищами, тоже опытными паровозниками, начал заниматься на курсах водителей электровоза. Полтора года осваивал он новую технику и получил право на вождение электровоза. Чупин подоспел кстати: с Омской магистрали на участке от Новосибирска до Южного Урала сняли последний паровоз, верой и правдой прослуживший шестьдесят лет и теперь уступивший дорогу достойным потомкам — электровозу и тепловозу.

Сейчас Василий Силантьевич — уже старший машинист — сидит в мягком кресле и смотрит то на стальные пути, которые электровоз, кажется, подминает под себя, то на скоростемер, на стрелки измерительных приборов. Тут же, под руками, рация. Машинист может переговорить с дежурным по станции, с диспетчером участка и даже, при надобности, с министром.

В кабине чисто, тепло, уютно. Все оборудовано удобно и разумно. Из окна не нужно высовываться: дорогу хорошо видно сквозь зеркальные стекла. Если их заливает водой или залепливает снегом, за работу принимается механический «дворник».

Новая техника, заменяющая паровоз, потребовала больших капиталовложений. Но они быстро окупаются. Только на двух участках, переведенных в прошлом году на электрическую тягу, высвобождено 70 локомотивов, более 1 200 рабочих, появилась возможность ежегодно сберегать около 100 миллионов рублей. Еще бы! Каждый электровоз выполняет работу трех паровозов. Значительно возросли скорости. Снизилась себестоимость перевозок.

Прошло чуть более трех часов, как мы отправились в путь, и вот Называевская. А раньше на этот путь уходило 9—11 часов. Сутки проводил машинист «на колесах». Неделями не видел Чупин своих детей, а их у него трое. Домой возвращался грязный, усталый. Теперь отдыхает чаще, больше внимания уделяет семье.

...Недалеко то время, когда по всей трассе из Москвы, мимо Куйбышева, Челябинска, Омска, Новосибирска, Иркутска и дальше, на восток, один за другим будут мчаться бездымные и стремительные электроэкспрессы.

Бор. **МИХАЙЛОВ**

В. С. Чупин на электровозе. Фото Э. Савина.

ПЕРУШТИЦА МИРНАЯ

В. СОЛОУХИН **Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Новый дом выстроила семья Тошкова — бригадира виноградарской бригады. На переднем плане—жена Тошкова — Мария Кастадиновна.

— Молим, другарка, тука ли путь за Перуштица?

Фраза эта, произнесенная на смешанном болгаро-русском языке, должна была означать:

— Скажите, товарищ, здесь ли дорога на Перуштицу?

Товарищ — старуха лет шестидесяти пяти, а может, и семидесяти, смуглая, как обожженная глина, седая и морщинистая — махнула рукой вдоль дороги.

— Карай направо без страха!

В свою очередь эта фраза, теперь уж чисто болгарская, значила, если перевести ее на язык русской старушки: «Поезжайте прямо, сынки, не сумлевайтесь». В сочетании же с решительными интонациями старой болгарки слова прозвучали как лозунг: «Без трепета, вперед!»

Мы и поехали вперед, хотя сердца наши, признаться, трепетали. Батак и Перуштица! Какое сердце, любящее Болгарию, может спокойно слышать названия этих сел!

«На колени, шапки долой! Перед нами Батак с его развалинами... Почерневшие стены твоей скромной церковки и училища, до самого своего основания напоенных кровью, гораздо дороже для истории, чем громадные памятники...» — писал болгарский историк Захарий Стоянов. Перуштица, как и Батак, была одним из главных центров антитурецкого восстания 1876 года. Ее жители, окруженные башибузуками и регулярными турецкими войсками, после пятидневной осады заперлись в местной церкви и, чтобы не сдаваться врагу, покончили с собой, убив сначала своих жен и детей. Тех, кто остался в живых, добили турки, которые разграбили и сожгли село.

После трагедии, разыгравшейся в Батаке и Перуштице, подняли свой голос в защиту человечности, в защиту болгарской нации Гюго и Достоевский, Иван Аксаков и Тургенев. Тургенев говорил так: болгарские безобразия оскорбили во мне гуманные чувства: они только и живут во мне, и коли этому нельзя помочь иначе как войной, ну так война!

И война началась. Россия двинула свои войска через Дунай, и Болгария после пятивекового рабства стала независимой. Батак и Перуштица послужили последним толчком к этой войне.

...Мы «карали направо» до тех пор, пока не начались каменные, преимущественно двухэтажные, под красной черепицей дома деревни.

Здесь нужно, может быть, объяснить, что болгарские деревни сильно отличаются от того, что мы привыкли понимать под этим словом. Для нас два десятка бревенчатых изб, стоящих посреди зеленой луговины, да с березой почти под каждым окном,— вот и деревня. Да чтоб рядом был огород, садишко какой-никакой, да чтоб колосящееся поле начиналось тут же, на задворках.

Болгарская деревня — это зачастую каменный городок, где наберется тысяч семь жителей. Мощеные улицы, магазины, парикмахерские, мастерские: сапожные, часовые, портняжные и прочие, — непременный отель «Москва» и ресторан напротив него. В ресторане по вечерам сидят крестьяне. Они медленно пьют легкое виноградное вино, беседуют, слушают музыкантов — своих же крестьян, что пришли сюда поиграть из любви к искусству. Это вечером. В сумерки можно наблюдать, как крестьяне на каруцах, влекомых лошадьми, возвращаются с полей. Ведь поля, сады, огороды — все это далеко от центра городка-деревни. Каждая каруца битком набита веселыми девушками и женщинами в ярких платьях. Шутки, смех, песни слышатся в сумерках на полевых дорогах: молодость везде одинакова!

Мы въехали в Перуштицу в полдень и, может быть, проскочили бы сразу к той трагически-знаменитой церковке, если бы внимание наше не привлекла необычная для рабочего полдня картина. На огромном квадратном дворе кружился хоровод женщин. Они были одеты не в праздничные наряды, а в скромные платья, в каких ходят на работу. Из репродуктора лилась бойкая, веселая музыка. Мы подошли и стали подхлопывать вместе с остальными зрителями, стоявшими вокруг. Вдруг во двор въехало несколько подвод, нагруженных виноградом, и хоровод рассыпался. Значит, женщины плясали, пока у них не было работы.

Входим в просторное помещение. В несколько рядов стоят столы. Десятки женщин ловко сортируют виноградные гроздья, упаковывая их в деревянные ящики. На ящики наклеиваются марки: «Болгария». Виноград из Перуштицы поедет в разные страны. Все, что мы увидели здесь, носило несколько необычное название: «Манипуляционный пункт».

От манипуляционного пункта до церковки-музея рукой подать. Сняв шапки, входим в пустую каменную залу. По сторонам в два ряда — каменные колонны. Они обиты, частично разрушены. Тишина. Не видно крови, не слышно стонов и воплей. Конечно, ведь это было давно. Только список, огромный список — на двух мраморных досках в три столбца мелким шрифтом — напоминает о погибших здесь патриотах. Да еще пирамида, сложенная из человеческих костей...

Среди тех, кто нашел смерть в этой церкви, был и сельский учитель Петер Тошев. Но уцелел каким-то чудом его годовалый сынок Атанас. Маленький Атанас рос да рос и стал тоже учителем. Когда в сентябре 1923 года вспыхнуло антифашистское восстание, народный учитель Атанас Тошев не остался в стороне: ведь он был свободолюбивым перуштинцем, он помнил, за что погиб его отец.

Атанаса как учителя знали в окрестных деревнях, и он во время восстания был связным. Однажды вечером на него напали фашисты, а он сгоряча потерял очки... Его нашли за деревней, простреленного семь раз.

Но не прервался род Тошевых—упрямый перуштинский род. После Атанаса остались три сына и две сестры. Еню Тошеву было

В этих огромных бочках — хорошее вино.

девять лет в день смерти отца. Значит, к разгару второй мировой войны ему стало двадцать семь. Для него, свободолюбивого перуштинца, не было выбора: Еню Тошев стал партизаном.

Случилось, что один из бойцов его отряда заболел. Ему разрешили уйти из гор в Пловдив, чтобы лечиться. Схваченный, он не выдержал пыток и выдал место, где расположился партизанский лагерь. Полиция и фашисты окружили партизан, но отряд пробился, ушел от погони, затерялся в горах. Девять человек остались на поле боя. Среди них и Еню Тошев, житель села Перуштицы, внук Петера и сын Атанаса.

Их портреты висят в сельском музее, а над портретами надпись: «Две эпохи — один идеал: свобода».

— Наш сельскохозяйственный кооператив носит имя Еню Тошева,— сказал работник музея.— А брат его — председатель здешнего трудового кооперативного земледельческого хозяйства.

Мы пошли искать председателя.

— Нет ли его в виноградарской избе? — подсказали нам в конторе.

До этого мы много раз слышали такое название: «виноградарская изба»,— но не представляли, что это такое. Виноградарская изба на окраине села Перуштицы оказалась не чем иным, как хорошо оснащенным заводом по переработке винограда. Председателя здесь не оказалось, но уж коль мы зашли, виноделы показали свое хозяйство. Мы ходили по подвалам, где в два ряда, убегая вдаль и пропадая в темноте, лежат бочки этак метров по пять в диаметре. В каждую из них можно налить десять тысяч литров вина. Из подвала в подвал, из подвала в подвал — сколько же здесь бочек, сколько же бродит в них терпкого солнечного соку! Виноградарская изба со дня на день ждала виноград, чтобы начать новый сезон. По двадцать тонн гроздей в час начнет перерабатывать давильная машина, реки хлынут по цементным желобам, и повсюду устоится вызывающий легкое головокружение винный запах. А всего переработает изба семь миллионов килограммов винограда. И все это даст ей сельскохозяйственный кооператив имени Еню Тошева.

— Нет, не было тут председателя,— еще раз сказали нам виноделы.— Скорей всего он на виноградниках.

Что ж, идем дальше. Сзади остались последние дома деревни, и мы затерялись в бескрайне раскинувшихся виноградниках. Мир и тишина царят здесь. Не услышишь и гудения пчелы. Воздух между убегающими вдаль двумя рядами виноградных лоз напоен солнцем, он такого же цвета, как и огромные, тяжелые, прозрачно-золотистые грозди.

Пенсионеры (слева направо): Иван Велчев, Михаил Долев, Петр Кристанов, Рангел Кутуков и Дмитрий Долев.

С нами агроном Рангел Запрянов. Он бережно срывает гроздь и на обеих ладонях (на одной не помещается) дает виноград одному из нас, потом другому. Прохладная, несмотря на жару, сладкая влага заливает гортань так, что захлебываешься,— вот она, кровь болгарской земли!

Время от времени попадаются подводы, груженные ящиками с виноградом. Они едут на манипуляционный пункт. Будни. Уборочная пора.

Иногда из зелени виноградников поднимается высокий, тонкий шест с маленьким красным флажком. Это «резиденция» какого-нибудь звена. Вот его домик. Вокруг чисто, опрятно, прибрано. Цветут яркие цветы. В домике прохладно и пусто. Стол, табурет, кровать. На гвоздике висит халатик. Возле кровати — туфельки. Значит, молодежное звено. Хозяек дома нет: не время сидеть в помещении.

Уж час или полтора идем мы по виноградникам, а не видно им ни конца, ни края. Снова домик звена, на этот раз возле дома копается дед.

— Как же зовут тебя, дедушка?

— Рангелом зовут меня.

— Много ли лет на свете прожил?

— Семьдесят почти. Пока записываешь, и будет семьдесят.

— Старый, а все работаешь.

— Мастер я, садовод. Нужны мои руки. А работаю я по своей охоте. Кооператив мне пенсию платит. Другие старые люди на пенсии живут, а я вот работаю. Мастер я, садовод.

Агроном подтвердил, что все старики села получают ежемесячную пенсию от кооператива. Для них есть и кооперативный дом отдыха. Для них да еще для детей.

— Наверно, около пруда председатель,— сказал нам Рангел-садовод.— Ступайте туда.

Виноградники вдруг расступились, и открылась широкая, спокойная гладь воды. Высокие деревья смотрятся в нее с другого, далекого берега. На этом берегу у самой воды домик. Около него в тени деревьев длинный дощатый стол (за который мы и уселись отдохнуть), и светлый ручей возле самых ножек стола. Председателя не было и здесь, но сказали, что его поищут и, может быть, он сюда придет.

Кирилл Тошев — председатель кооператива, внук Петера, сын Атанаса, брат Еню Тошева — оказался человеком лет сорока. У него округлое бритое лицо, небольшие глаза, нос с горбинкой, темно-русые волосы.

— Ну, что ж, хозяйство наше вы, можно сказать, видели,— говорил председатель.— А если цифры какие интересуют, то пожалуйста. Двенадцать миллионов килограммов винограда получим мы в этом году. Часть пойдет на экспорт, часть — на переработку.

— А крестьянам?

— Крестьянам на трудодни даем деньги и вино, потому что если дать тонну или две винограда, то что же с ним делать? Вообще, вином получать удобнее. В этом году даем двадцать три лева деньгами, кило двести вина и шестьсот граммов яблок.

— Но если семья получит тонну или две вина, то опять же куда она его денет?

— Вино можно отвезти на рынок, и вообще оно, как вы знаете, не портится.

— Вся ли деревня в кооперативе?

— Теперь вся. Было время, когда уходил народ: ошибки наблюдались в планировании, в заготовительных ценах, в госпоставках... Теперь дело поправилось.

Пока мы разговаривали, появились возле дома старший рыбак с помощником. Они закинули около бережка немудреную сетку и вытряхнули из нее на траву несколько штук жирных карпов.

В руках у нас оказались не совсем обычные сосуды. Они были наскоро сделаны из огромных, мясистых стручков красного перца.

— Нет, нет, не отказывайтесь! По одному стручочку за процветание кооператива почему не выпить?

Председатель сельскохозяйственного кооператива Кирилл Тошев.

Но кто-то предложил другой тост: за свободолюбивый перуштинский род, за дедов, отцов и братьев, погибших за свободу, и за детей, которые должны помнить, за что погибли их прадеды, деды и отцы...

Все выпили и закусили тем, из чего пили.

А поздно вечером мы поднялись на высокую гору. Облитый лунной тишиной, слабо светился каменный памятник. На нем не было написано, кому он поставлен, но надо было понимать, что поставлен он всем свободолюбивым и трудолюбивым перуштинцам, веками боровшимся за свободу.

Внизу расстилалась наполненная лиловым мраком Фракийская низменность — огромный сад, отягощенный плодами. Россыпь огней Перуштицы мерцала у подножия холма. Оттуда, из деревни, доносились к каменному памятнику мирные вечерние звуки. Вот тявкнула собака, вот закричал осел, вот звякнула щеколда калитки или, может быть, ведро, вот зазвенел девичий смех... Скоро погаснут огни и уснет Перуштица — мирное болгарское село, видевшее столько слез и столько крови.

Село Перуштица. →

Трудовое кооперативное земледельческое хозяйство имени Эню Тошева. Вверху: пруд рыбного хозяйства; внизу: «манипуляционный» пункт; здесь сортируют и упаковывают виноград.

Сушка кукурузы.

Сестры-близнецы Иорданка и Пенька Тошковы на сборе винограда.

Старейший рыбовод Стоян Пампов и его «помощник» пионер Никола Панов.

КАК СОЗДАВАЛАСЬ КАРТА

М. КАФАНОВА

На столе редактора Главного управления геодезии и картографии Елизаветы Ивановны Ардабьевой аккуратно разложены большие бумажные листы. С первого взгляда они кажутся сплошь зелеными, но, присмотревшись внимательней, заметишь и тонкие синие полосы, и голубые пятна, и черные прямоугольники, и извилистые, похожие на годичные кольца старого пня коричневые горизонтали.

— Это новая карта СССР, «стотысячная», как мы ее называем,— говорит Елизавета Ивановна.— В каждом сантиметре здесь помещается один километр, а точка от укола циркулем равна десяти метрам. Если бы мы разложили все листы один к одному, то такая карта могла бы закрыть половину футбольного поля стадиона «Динамо».

Главное достоинство новой карты — ее обстоятельность и точность. Вот, например, я никогда не бывала в этих местах,— карандаш Елизаветы Ивановны скользнул вдоль синего «шнурка»,— но, глядя на «стотысячную» карту, я могу сказать, что один берег у этой реки низкий, заболоченный, другой — крутой, обрывистый, поросший лесом. Лес смешанный: береза и ель. За лесом, в трех километрах от реки, большая деревня: десять каменных построек, электростанция, школа. Мимо деревни проходит железная дорога, через лес, на восток, идет проселочный тракт. Наша карта может рассказать так подробно о любом, даже самом отдаленном или труднодоступном районе Советского Союза.

На старой государственной карте СССР, «миллионке» (где в сантиметре умещается десять километров), целые районы просто не окрашены. Некоторые реки, озера, горные цепи нанесены пунктиром, и их сопровождают лаконичные подписи: «Не исследовано». Это и есть белые пятна. Еще сравнительно недавно они почти сплошь покрывали огромные площади Крайнего Севера, северо-востока, высокогорных областей Памира, Тянь-Шаня, Саян. Теперь, после создания «стотысячной», все белые пятна исчезли. Территория СССР получила более точное изображение.

На старой карте многие реки оказались смещенными на десятки, а иногда и на сотни километров, неверно были представлены Земля Франца-Иосифа, Новосибирские острова, искажено устье Лены. Целые горные массивы, такие, как хребет Черского или горы Путорана, вообще не были показаны.

Да и как могло быть иначе? Ведь для отдаленных районов «миллионка» создавалась по тем материалам, которые привозили с собой побывавшие там путешественники, ученые, участники различных экспедиций. Это были главным образом глазомерные планы или же карты, составленные по рассказам местных жителей. Теперь на помощь картографам пришла современная техника, авиация.

...Бывало, чуть только сойдет снег, а по дорогам с севера на юг или с запада на восток уже идет топограф. В руках он несет треножник и ящик, в котором умещается весь его инструмент: мензула, кипрегель, теодолит. Время от времени человек останавливается и наносит на планшет раскинувшийся перед ним ландшафт... Так выглядела привычная для старой России фигура топографа-съемщика.

Прошли годы, и развитие авиации открыло новую эру в изучении и начертании «лика земли». В тундру, тайгу, на острова Северного Ледовитого океана, к высотам Памира, Тянь-Шаня вылетели самолеты. Они покрыли аэрофотосъемкой миллионы квадратных километров. Полученные снимки изучались на стереоскопических приборах, и топографы могли рассмотреть на них детали рельефа, речную сеть, характер растительного покрова. Аэрофотоснимки раскрыли тайны белых пятен и рассказали о территории СССР много нового и неожиданного.

Так, наивысшей точкой горного массива Тянь-Шаня долгое время считалась вершина Хан-Тенгри высотой в 6 995 метров. Однажды пилот Н. И. Корначев и штурманы Н. Д. Богомолов и А. С. Егоров заметили к юго-западу от Хан-Тенгри огромную, не обозначенную на карте гору с двумя вершинами. Так как работы производились на высоте 7 400 метров, а гора находилась как раз на аэросъемочном маршруте, самолету пришлось обогнуть гору, обойдя ее с севера. Через несколько дней неизвестная гора была сфотографирована с высоты 9 100 метров. При камеральной обработке определили ее точную высоту: 7 439,5 метра. Таким образом открыли новую горную вершину, названную впоследствии пиком Победы.

Но при всей своей конкретности, наглядности и точности снимок — это еще не карта. Предстоит большая работа, в которой принимает участие несколько тысяч человек.

Прежде всего надо «привязать» аэрофотоснимок к местности, иными словами, установить координаты нескольких точек, заснятых с воздуха, и по ним прикрепить весь фотоплан к градусной сетке меридианов и параллелей.

Даже по самому крупному и отчетливому снимку нельзя определить высоту местности над уровнем моря. Так называемую «высотную подготовку» выполняют топографы.

Затем, уже на картографическом предприятии, топографы, чертежники, географы, картографы, редакторы по данным полевых работ и аэрофотоснимкам рисуют рельеф, передают все географические подробности в принятых условных знаках, — короче, составляют подробную, точную карту.

...Если случайно заходит разговор о героической профессии, то вряд ли при этом будет упомянута профессия астронома. Астроном обычно представляется сидящим под сводами обсерватории, у мощных телескопов, наблюдающим величественное и равнодушное к земным треволнениям небо. Но не всегда бывает так. Мы в этом убедились, услышав рассказ астронома А. М. Старостина. Вот он:

— Когда создавалась «стотысячная» карта, мне пришлось заниматься «привязкой» аэроснимков. В тех местах, где есть геодезические знаки, дело обстояло сравнительно просто. Ну, а как быть с неисследованными районами севера, северо-востока, Дальнего Востока? Было решено создать там сеть астропунктов и уже по ним «привязать» снимки. Работа эта забросила меня в Норильск. Помню, прибыли мы туда на пароходе, наши часы показывали два часа ночи, но как бы в насмешку над временем в небе сверкало солнце и на пристани мальчишки играли в футбол.

Нам предстояло определить координаты 25 пунктов на площади 50 тысяч квадратных километров.

Бригада топографов в верховьях реки Пур.

Определение широт производится по светилам, и поэтому пришлось дождаться полярной ночи. С наступлением темноты наша партия из четырех человек вылетела на один из пунктов. Самолет высадил нас на берегу озера. Разбили мы там палатку, произвели все нужные наблюдения и вдвоем с помощником отправились на другой пункт, расположенный в 10 километрах от первого, а двух рабочих оставили на старом месте дожидаться самолета.

Прошло несколько дней. Мы успели определить координаты и на втором пункте, а самолет за нами все не летит. Осмотрели мы свои запасы и видим: продукты на исходе. Что делать? Решили идти обратно, на первый пункт. Там ведь остались рабочие. Кроме того, если с самолетом что-нибудь и случилось, то все-таки легче добираться всем вместе. Соорудили нарты, погрузили свое имущество, впряглись и потащили их по замерзшему озеру. Как бывает в тундре, легкий, даже приятный ветерок неожиданно превратился в страшную вьюгу. Нас буквально валило с ног. Мы выбивались из сил, но все же упорно шли вперед, понимая, что, если остановимся, нас занесет. Когда вьюга стихла, мы обнаружили, что заблудились. Небо было затянуто тучами,— как тут ориентироваться? Пришлось брести наугад.

А тем временем самолет прилетел на наш первый пункт, забрал рабочих и вылетел за нами на озеро Пясино. Но нас там уже не было. Когда в штабе отряда стало известно, что мы потерялись, за нами вышли поисковые партии и на розыски послали самолет.

Можно представить нашу радость, когда в небе раздался рокот моторов! Нам удалось разжечь костер. С самолета нас заметили и сбросили нам вымпел, продовольствие и одежду. Вскоре мы встретились с одной из поисковых партий.

Истории, подобные этой, можно услышать и от топографов и от геодезистов — людей трудной и романтической профессии. На всей громадной территории СССР не много найдется мест, где бы не побывали топографы. Среди вековых льдов и в горячих песках, в сорокаградусный мороз и под палящими лучами солнца, в тайге и в горах, передвигаясь на попутной автомашине, пешком, на оленях, верблюдах, делают топографы свое скромное, но совершенно необходимое для создания географической карты дело.

...Новая карта имеет большое значение для нашего народного хозяйства. Она необходима и при постройке электростанций, и при создании новых совхозов на целинных землях, и при сооружении оросительных систем. К карте обращаются геологи, отправляясь в экспедицию, строители, — прокладывая новые железнодорожные магистрали. «Стотысячная» карта служит основой для создания всевозможных мелкомасштабных и учебных карт.

«Стотысячная» карта была завершена сравнительно недавно, но темп нашей жизни, гигантский размах производимых работ уже обгоняют ее. За то время, которое прошло со времени аэрофотосъемки до издания карты, на просторах нашей страны произошли большие изменения. На Алтае и в Сибири выросли новые, целинные совхозы, пущены десятки больших и малых электростанций, поднимаются города. Время ставит перед топографами, картографами задачу: не дать состариться замечательной карте, своевременно ее дополнять и уточнять.

НАШИ ГОСТИ

Сцена из спектакля «Дайте волю песне». На первом плане справа: Чиприан Порумбеску — Ион Дачан.

Фото А. Гладштейна.

В программе, выпущенной Румынским театром оперетты к его гастролям в СССР, напечатаны портреты ведущих актеров труппы. Со страницы смотрят веселые, улыбающиеся, жизнерадостные и почти все очень молодые лица. Актеры молоды, как молод и театр.

Только с 1951 года начинается история Бухарестского государственного театра оперетты. Но это не значит, что в Румынии не было раньше энтузиастов этого жанра. Об одном из таких энтузиастов, много лет назад боровшемся за утверждение народности в оперетте, и рассказывает спектакль Бухарестского театра «Дайте волю песне», которым коллектив начал свои гастроли. Оперетта посвящена одному из выдающихся румынских композиторов, Чиприану Порумбеску.

Музыка оперетты «Дайте волю песне», построенная на мелодиях Порумбеску, замечательна. Автор оперетты композитор Герасе Дендрино, он же главный дирижер и музыкальный руководитель театра, с необычной любовью к своему великому коллеге очень органично и тактично ввел в оперетту его мелодии.

Театр много работает над репертуаром. Главный режиссер Никушор Константинеску так определил задачи коллектива: «За годы деятельности нашего театра мы постарались заложить основы новой оперетты, отображающей сегодняшнюю жизнь». И действительно, на афишах непрестанно появляются новые произведения румынских композиторов, созданные совместно с труппой. Московское, пражское, софийское, будапештское радио часто передают мелодии оперетт румынских композиторов.

На гастроли в нашу страну театр привез четыре спектакля. Кроме вышеназванного, современные оперетты «Плотовщик с Бистрицы» Ф. Барбу и «Коломба» Э. Романа, посвященная Всемирному фестивалю молодежи.

С необычной музыкальностью исполнили актеры и опереточную классику — «Продавец птиц» К. Целлера.

Советский зритель полюбил и запомнил румынских артистов. Москвичи узнали и оценили превосходный голос Иона Дачана, большое комедийное, жизнерадостное дарование Вирджиники Романовски, обаяние и мастерство Пуйки Александреску, Силли Попеску и многих-многих других актеров Бухарестского театра оперетты.

После Москвы театр будет гастролировать в Горьком и Одессе.

И. СЕМЕНОВА

Талантливый коллектив

Недавно Государственный симфонический оркестр Украинской ССР в третий раз приезжал в Москву и с успехом выступил с разнообразной программой...

«Но основной целью нашего приезда,— рассказал нам главный дирижер Н. Г. Рахлин,— было познакомить москвичей с лучшими последними произведениями украинских композиторов. Ведь мы первые исполнители, ценители и пропагандисты их творений. Много лет работаем вместе. Оркестранты придирчиво, но любовно разбирают их партитуры, зачастую совместно рождаются новые решения в оркестровке».

Москвичи с большим интересом прослушали впервые исполнявшуюся здесь программу. Превосходно прозвучали в исполнении талантливого коллектива произведения украинских композиторов.

«Алтайская сюита» Г. Таранова — выразительный музыкальный рассказ о жизни на целине. Национальным музыкальным колоритом пронизана «Гуцульская рапсодия» Г. Майбороды. Большое впечатление на слушателей произвела Третья симфония Б. Лятошинского (в новой редакции) — произведение сильное, трагическое, величественное.

Т. ЖУКОВСКАЯ

Фото Е. Умнова.

Фото Т. Поляковой.

Вот это закалка!..

На верхнем снимке вы видите врача Александра Зыкова, купающегося в Ледовитом океане.

— Когда я был школьником, — рассказывает А. Зыков, — воображение мое привлек угрюмый северный край. Я зачитывался книгами о великих полярных путешественниках. Советские экспедиции на Северный полюс и в Ледовитый океан еще больше разожгли мое любопытство. Но различные обстоятельства мешали мне осуществить юношескую мечту: побывать на Севере. Случай представился лишь в 1950 году. Я получил трехгодичную командировку в бухту Угольную. Со мной выехали жена и трое детей.

«Дикий», по моим представлениям, край земли предстал перед нами обжитым советскими людьми. В поселке, где мы жили, есть магазины, школа, клуб, больница. В каждом доме центральное отопление, водопровод, радио. Но север есть север, и не однажды в ледяной холод, в снежную бурю меня спасала физическая закалка. Каждый день я занимался спортом. Ходил на лыжах, увлекался охотой. По утрам делал холодные обтирания и постепенно приучал себя к купанию в Ледовитом океане. Регулярно купался в недолгие летние месяцы и после штормов, ломавших льды, пока свободными оставались разводья и полыньи. Эти холодные ванны сделали мой организм неуязвимым для болезней.

Быстро прошли три года. Но мне не хотелось уезжать от своих друзей чукчей и эскимосов, и я остался еще на три года. И опять я не упускал случая, чтобы не воспользоваться ледяной купелью.

Вернувшись в Москву, я продолжаю зимние купания. У меня появилось много серьезных соперников. Каждое воскресенье на берегу Москвы-реки, у Краснохолмского или Новоспасского моста, собирается 10—15 азартных купальщиков. Среди них мои друзья: Осман Кумуков—водолаз спасательной станции, Федор Абрамов — старший лаборант стоматологического института, Илья Ямпольский — кандидат физико-математических наук, Юрий Семячкин—семиклассник 517-й школы и другие.

Я. СУХАНОВ

В селе Золотуха, Сасыкольского района, Астраханской области, живет Петр Данилович Черкасов. Ему 75 лет, но он каждый день зимой купается в Волге.

Фото А. Заплетина.

БАДМИНТОН, ИЛИ ЮЙМАОЧУ

В 70-х годах прошлого столетия в Англию возвратился из путешествия по Индии герцог Бофор. Он привез с собой в Бадминтон игру, распространившуюся затем по Европе. Впоследствии ее так и стали называть «бадминтон». Теперь эта игра пользуется большой популярностью во многих странах мира, и в международную федерацию бадминтона входят 29 стран. Ежегодно проводятся розыгрыши первенства мира и много различных международных соревнований.

Особенно широкое распространение бадминтон получил в Китае, где он называется юймаочу. Ценность этой игры заключается в том, что в нее могут играть люди всех возрастов, на любом открытом месте, а равномерно-замедленный полет мяча дает возможность регулировать темп игры в соответствии с физическими возможностями играющих.

Игра заключается в непрерывных передачах мяча специальными ракетками. В официальных встречах игра происходит на площадках размером 6,1×13,4 метра для парных встреч и 5,2×13,4 — для одиночных. Игра ведется через сетку длиной 6,1 метра, шириной 76 сантиметров, подвешенную на столбах высотой 155 сантиметров. Мяч имеет хвостовое оперение из 14—16 перьев. Ракетка деревянная (из бука и орешника) с рамкой овальной формы и спинкой из овечьих жил.

Правила подачи, ответных ударов, счета очков во многом сходны с соответствующими правилами игр в теннис, в настольный теннис, малый теннис и даже в волейбол. Но есть целый ряд специфических особенностей. Основное то, что ответные удары по мячу производятся до его касания земли.

Искусство игры состоит в том, чтобы не дать мячу коснуться земли на своей площадке и суметь погасить мяч через сетку на стороне противника.

Бадминтон включен в программу III международных спортивных игр молодежи, которые состоятся в Москве. Советских спортсменов обучают этой игре китайские товарищи. В одном из показательных выступлений приняли участие сотрудники посольства КНР товарищи Чжу Чжан-мин, Люй Янь, Ло Шу-дэ, Ли Юй-сян, Цзин Чжун-чи и другие. Они продемонстрировали нам эту замечательную игру в полном блеске своего мастерства.

О. МАРКОВ

Сотрудник китайского посольства товарищ Люй Янь во время игры в бадминтон.

Фото В. Романова и В. Бобковского.

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ СОВРЕМЕННЫЙ СТАЙЕР?

С момента окончания Олимпийских игр прошел уже порядочный срок. Тем не менее оживленные толки в зарубежных газетах по поводу блестящей победы, одержанной советским бегуном Владимиром Куцем в Мельбурне, не прекращаются.

«Имя Куца войдет в историю мировой легкой атлетики, как имена его великих предшественников финна Нурми и чеха Затопека», — пишет французская газета «Экип». Американское агентство Юнайтед пресс провело плебисцит, чтобы избрать «спортсмена № 1 1956 года». Избранным, и притом подавляющим большинством голосов, оказался Куц. Больше чем на 100 очков он опередил австрийского горнолыжника А. Зайлера, набравшего 141 очко.

За рубежом считают, что советский спортсмен являет собой пример бегуна нового типа на длинные дистанции, бегуна, опрокинувшего принятые и ставшие традиционными представления о стайерах.

«Ранее никто не бежал так, как Куц, — пишет известный английский спортсмен, бывший мировой рекордсмен в беге на средние дистанции Баннистер, — никакой аналогии между ним и «великим финном» Нурми нет, ибо в те времена бег на длинные дистанции был в зародыше и Нурми не имел равных себе противников».

Как же быть? Как строить бег на длинные дистанции? Можно ли одолеть Куца только при помощи техники, помноженной на скорость? Что главное в стайерском беге при современном уровне легкой атлетики? Вот вопросы, которые волнуют зарубежных тренеров, специалистов и спортсменов, посвятивших себя этому виду бега. Существует мнение, что Куц — уникум. Другие видят в Куце идеал современного стайера, сильного, выносливого спортсмена, для которого главное не скорость, а умение правильно распределить и использовать свои необыкновенные физические силы и атлетические данные, умение — при помощи специфической для него тактики — вымотать противника продолжительными и частыми рывками, умение вовремя нанести решающий удар.

Таких стайеров пока у нас нет, их нужно искать и исподволь подготовлять, иначе «эра Куца» будет более длительной, чем эра его предшественников. Только сильные, выносливые стайеры с легкими, как кузнечные мехи, и стальными мышцами могут обеспечить такое захватывающее зрелище, очевидцами которого мы были в Мельбурне, — так пишут зарубежные журналисты.

Спортивный обозреватель.

...вара Потапова в роли Авроры, «Спящая красавица».

Танцует Анна Потапова

...ена Потапова в роли Маши, «Щелкунчик».

Три сестры

В. ШУМОВ

Фото Н. Козловского.

Отец и мать хотели, чтобы Лена, Аня и Варя учились музыке. И вот в доме Потаповых зазвучали пианино, скрипка и виолончель. Послушать маленьких музыкантов по вечерам собирались знакомые, соседи по квартире. Так продолжалось до тех пор, пока во Дворце пионеров не начал работать хореографический кружок. Занятия балетом захватили девочек настолько, что музыка отошла на второй план.

В годы войны в Куйбышеве, где жила тогда семья Потаповых, работал Большой театр Союза ССР. Театру понадобились маленькие танцовщицы для исполнения ролей амуров в балете «Дон-Кихот». Так сестры Потаповы впервые очутились на большой сцене.

До сих пор в семье хранится, как дорогая память, афиша Большого театра, на которой ниже имени исполнительницы партии Китри О. В. Лепешинской стоит: «Амур — Лена Потапова, участница балетного кружка Дворца пионеров».

Минуло пятнадцать лет, и теперь, когда «Дон-Кихот» идет на сцене Киевского академического ордена Ленина театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко, на афише можно увидеть имена всех трех сестер Потаповых: партию Китри исполняет заслуженная артистка Украинской ССР Елена Потапова, подруги Китри — Жуанитты — Варвара Потапова, Амура — Анна Потапова.

Конечно, не каждый раз бывает такое совпадение, что все три сестры заняты в одном спектакле,— у каждой есть и другие, может быть, более любимые роли,— но с «Дон-Кихотом» навсегда связано для них начало профессии.

Профессия была выбрана в детстве, но путь к ней оказался не прямым. В войну не стало отца. Семья приехала на Украину, где вблизи Киева жила четвертая, уже взрослая дочь — Вера. Она помогла матери в воспитании младших сестренок. Потом мать устроилась на работу, а три девочки были определены в ремесленное училище. Обстоятельства складывались так, что о балете, казалось, и думать было нечего. Но когда при Киевском оперном театре открылась балетная студия, среди первых оказались заявления сестер. Потаповы попали в класс опытного педагога заслуженной артистки УССР Н. В. Верекундовой.

Елена, Варвара и Анна Потаповы.

Сестры Потаповы сейчас заняты во всех балетных спектаклях театра. Варя танцует Золушку в одноименном балете С. Прокофьева, Джульетту в балете «Ромео и Джульетта», Девушку-птицу в «Шурале»... Анна исполняет также многие сольные партии.

В прошлом году Елена Потапова вместе с другими мастерами советского балета совершила гастрольную поездку в Данию и Исландию. Газеты этих стран высоко оценили искусство украинской балерины.

У каждой из сестер теперь своя семья, но они часто навещают друг друга. Елена Потапова стала матерью, ее сыну уже два года.

ЭСТАФЕТА МИРА.

Молодой скульптор

...Бегут двое юношей и девушка. Они несут эстафету мира — зажженный факел. Русский передает факел другу — представитель негритянского народа принесет эстафету на VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

Так рассказывает о своей скульптурной композиции, недавно законченной, молодой художник Илья Тенета. Четыре года работал ваятель над своим произведением, создавая все новые и новые варианты, пока не нашел пластическое и образное решение избранной темы.

Трехметровая скульптурная композиция «Эстафета мира» будет отлита в бронзе на Мытищинском заводе художественного литья. Эта работа отличается динамичностью, выразительностью, правдивостью образов трех молодых наших современников.

В мастерской Ильи Тенеты мы увидели и другие скульптуры. Здесь его дипломная работа, выполненная при окончании Московского художественного института имени В. И. Сурикова,— портрет Ивана Андреевича Крылова, великого русского баснописца. Портреты композиторов М. П. Мусоргского и С. В. Рахманинова. Обаятелен и четвертый увиденный нами скульптурный портрет — девушки Лены. Все эти работы экспонировались на художественных выставках в Москве и получили признание.

Отец Ильи — скульптор Алексей Ильич Тенета — постоянный советчик сына, к которому относится требовательно. Сам А. И. Тенета любит лепить образы людей из народа, стремится передать поэзию нового, социалистического труда.

А. КРУПНОВ

НОВЫЕ БАСНИ

Сергей МИХАЛКОВ

Рисунки К. РОТОВА.

Голубка и Стервятник

«Не слишком ли уверенно и смело
Ты начала летать сегодня над землей! —
Стервятник в облаках сказал Голубке белой. —
Когда б я не был сыт,— не быть тебе живой!»
«Ты б растерзал меня, — Голубка отвечала, —
Когда бы я тебя и сытым повстречала!
Твой кровожадный клюв готов меня убить,
Но знаешь ты, что этому не быть!
Ты смотришь на меня и от бессилья злишься,
Ах, как бы ты хотел расправиться со мной!..»
«Что хочешь ты сказать!» «А то, что ты боишься
Тех смелых птиц, что за моей спиной!»

Джентльмены на стройке

Раз, после всех невзгод и испытаний,
Во имя радости и сбывшихся желаний,
Задуман был людьми прекрасный новый дом,
Достойный тех жильцов, что поселятся в нем.
За все их подвиги законная награда —
Многоэтажная громада,
Ее построить только надо!..
Работы начаты, но дом
Растет с трудом.
Одни хотят за дело взяться дружно
И, наконец, построить то, что нужно!
Другие же идут наперекор.
Милорд кричит: «Забор! Сперва забор!
Пересмотреть чертеж! Ошибки есть в расчете!»
Сэр удивляется: «Зачем спешить в работе!
Стена обрушится! Не так кирпич кладете!»
И что ни день, то затяжнее спор...
Но были все согласны до сих пор —
И утвержден проект и подписали смету!
Тут взяться бы дружней! И вдруг — согласья нету!
В чем дело! Дело в том,
Что, взявшись на земле построить этот дом
И прочные, навек, воздвигнуть стены,
Милорды, сэры — словом, джентльмены,
Для собственных домов, для собственных квартир
Урвать и уволочь побольше норовили,
А клятвы и слова на дружбу и на мир,
Как дело подошло, они забыли!
В кого я этой басней попаду!
В тех, что сидят в ООНе на виду!

Завистник и могилы

По кладбищу, где испокон веков
Железный мир крестов, надгробий и венков
С живою зеленью бок о бок размещался,
Приезжий человек ходил и возмущался:
«Какая благодать! Порядок здесь какой —
Благоустройство, тишина, покой!
Что за часовенки! Каким плющом увиты!
Какие мраморные плиты!
Вот ведь живут! Куда ни посмотри:
Здесь — два венка, а там — их целых три!»
Тот человек, что завистью томим,
Завидует и мертвым, как живым!

Осел в обойме

Ослу доверили однажды пост завидный,
Лесным дельцам сказать не в похвалу.
Какой-то важный зверь, где надо, очевидно,
По дружбе оказал протекцию Ослу...
Осел на должности, что было сил, старался:
Одним указывал, других учить пытался,
Но, как бы он себя с достоинством ни вел,
Каким он был, таким он и остался.
Ушами поведет — все видят, что Осел!..
По лесу поползли невыгодные слухи.
В порядке критики пришлось при всех признать:
«Не оправдал надежд товарищ Длинноухий!
Не справился. С поста придется снять».
И вот на должность Льва, ушедшего в отставку,
Зачислили Осла. Опять на ту же ставку!..
И снова слухи по лесу ползут:
Он, говорят, проштрафился и тут!
Одни смеются, а другие плачут:
«Что, если к нам теперь его назначат!!»
Вопрос с Ослами ясен, но не прост:
Ты можешь снять с Осла, коль это нужно, шкуру
И накрутить ему за все ошибки хвост,
Но если уж Осел попал в обойму сдуру,
Подай ему руководящий пост!

Романтик

Лев СОФРОНОВ

Рисунки В. СОЛОВЬЕВА.

В десятом классе «Б» всем было известно, что Жора Пескарев без пяти минут морской волк. Под школьным форменным кителем худощавое тело Жоры облегала полосатая матросская тельняшка. Из писателей Жора признавал только Станюковича и Леонида Соболева, из художников — лишь Айвазовского. Соседка Жоры по парте Люся Павлова приходила в восторг от многочисленных выражений, на которые никогда не скупился Пескарев. В отличие от остальных ребят он произносил компáс, а не кóмпас, рапóрт, а не рáпорт.

— Я, Люсенька, романтик, — неоднократно говорил Жора,— морская стихия — мое призвание. Меня влекут штормы, пассаты и муссоны...

Круглое лицо его при этом принимало мечтательное выражение, рыжеватые брови сурово супились, а ноздри добродушно вздернутого носа становились шире в два раза.

Люся с почтением поглядывала на Жору и завидовала ему. Вот кто мечтает, так мечтает! Ей даже становилось неудобно, что пределом ее собственных мечтаний являются туфли на высоком каблуке и шубка из настоящей цигейки. И почему только она не родилась мужчиной?

Жора давно влюблен в Люсю, но истинный моряк умеет скрывать чувства. Жора два года отрабатывал непроницаемое выражение лица и добился успеха.

Когда его лицо становилось непроницаемым, то приятелям казалось, что у Жоры заболели сразу все тридцать два зуба.

Но Люся, видимо, не догадывалась о чувствах, обуревавших соседа. Она еще не знала в полной мере волшебной силы своих голубых глаз и бархатной родинки на правой щеке. Мысленно Жора вызывал на дуэль всех влюбленных в Люсю и расправлялся с ними самым беспощадным образом. Пасть акулы для таких наглецов являлась, по мнению Жоры, слишком мягким наказанием.

Как-то Жора шел с Люсей по парку и, меланхолично поглядывая на пруд, где каталась на лодках мелюзга из пятых и шестых классов, грустно говорил:

— И что за удовольствие возиться в этой луже? Ни шторма тебе, ни подводных рифов. Барахтаются, как грудные детишки в ванне...

— Ты думаешь? — застенчиво спросила Люся и несмело добавила: — А мне так давно хотелось покататься на лодке!..

Желание Люси — для Жоры закон. Через пять минут он стоял перед окошечком кассы и деланным баском произносил:

— Лучшую лодку на два часа!

Кассирша с уважением взглянула на полосатую тельняшку за расстегнутым кителем Жоры и вручила ему талончик. Лодочник багром зацепил за борт голубую лодку и помог девушке сесть в нее, за что был награжден испепеляющим взглядом зеленых Жориных глаз. Он смело шагнул в лодку и покачнулся.

— Ах! — испуганно воскликнула его спутница.

— Порядок на Балтике! — суровым голосом успокоил ее Жора и, сев лицом к носу лодки, решительно взялся за весла.

— Задним ходом решили кататься? — вежливо полюбопытствовал лодочник. Какой-то мальчишка на пристани расхохотался во все горло. Жора судорожно сделал несколько взмахов веслами. Лодка кормой начала тыкаться в пристань, и за этим с нескрываемым интересом наблюдал уже добрый десяток мальчишек.

— Моряк — все брюки в ракушках! — пренебрежительно крикнул один из них.

— Настроение бодрое — идем ко дну! — весело поддержал его другой.

Наконец Жора с кумачовым лицом сел как надо, но лодочник почему-то все еще придерживал лодку багром.

— Плавать-то вы хоть умеете? — хмуро осведомился он

— Я — нет, — испуганно сказала Люся и с опаской поглядела на своего спутника.

— Он плавает, как топор, — высказал предположение кто-то из мальчишек.

— Он чемпион по плаванию среди воробьев! — ликующе возвестил второй.

Если бы Жорины глаза обладали магической силой, то этих сорванцов уже оплакивали бы матери. Лодочник все же сжалился над Жорой и, тяжело вздохнув, оттолкнул лодку от пристани. Впрочем, он тут же вынес из небольшого домика два спасательных круга и вооружился биноклем.

Между тем мальчишки следовали по берегу за лодкой и кричали:

— Нажми, дяденька, сзади достают!

— Давай, давай! Сейчас рекорд установишь!

— Табань правым, а то к лягушкам угодишь!

Непослушные весла крутились в руках Жоры, как крылья ветряной мельницы. Лодка то упиралась в берег, то вдруг яростно шла на таран, грозя утопить перепуганного деда с двумя внучатами.

— Я хочу домой, — жалобно сказала Люся, и в этот миг весла вырвались из уключин и отправились в самостоятельное плавание. Жора геройски перегнулся за ними, и — о, ужас! — Люся увидела, как сверкнули в лучах солнца подковки на Жориных ботинках, а сам Жора отправился измерять глубину пруда. На миг он молча показался на поверхности с непроницаемым выражением лица и снова исчез. На воде появились пузырьки... В то же мгновение десяток мальчишек, не раздеваясь, сиганул в пруд, а через минуту Жора был извлечен со дна, и все, кому было не лень, принялись делать ему искусственное дыхание.

Жора Пескарев открыл глаза, увидел заплаканные глаза Люси и вновь потерял сознание. На этот раз от стыда...

Утром в одной из газет появилась заметка «Мужественный поступок». В ней сообщалось о том, что группа четвероклассников спасла жизнь школьнику Пескареву.

Может быть, Жора и стал бы предметом насмешек в школе, но,

к счастью, начались экзамены, а вскоре он получил из рук директора аттестат зрелости.

После этого «романтик» как в воду канул. Напрасно допытывалась Люся у товарищей Жоры о его судьбе. Одни говорили, что Пескарев поступил на курсы водолазов и решил посвятить всю свою жизнь спасению утопающих, другие утверждали, что он заболел водобоязнью и учится на бухгалтера, но толком никто ничего не знал.

Люся приобрела наконец туфли на высоком каблуке, а за отличное окончание десятого класса мама подарила ей шубку из настоящей цигейки. И все же Люся не была счастлива. По пути в институт она частенько вспоминала своего соседа по парте. Что ни говорите, а он был храбрым человеком. Не каждый сможет тонуть молча и с непроницаемым выражением лица.

Прошло несколько лет. Из худенькой, угловатой девчонки Люся превратилась в стройную, миловидную девушку с выразительными глазами. За Люсей ухаживали почти все студенты в институте и даже сам декан, овдовевший двадцать восемь лет назад. Но сердце девушки было неприступным. Ключик от него имелся лишь у неистового «романтика» Жоры Пескарева.

Однажды в сопровождении ватаги кавалеров Люся шла к себе домой. Внезапно дорогу ей преградил высокий, широкоплечий моряк.

— Разрешите пришвартоваться? — взяв под козырек, весело спросил он.

— Жорка?! — всплеснула руками Люся.

— Старшина первой статьи Георгий Пескарев! — с достоинством представился моряк ее спутникам.

Студенты переглянулись и, дружно вздохнув, стали прощаться с Люсей. Она небрежно махнула им рукой и взяла Жору под руку.

— Пойдем ко мне! — оживленно сказала девушка. — Наши уехали на юг отдыхать, и я в квартире совсем одна. Поговорим обо всем, не торопясь. Согласен?

— Слушаю и повинуюсь! — широко улыбнулся Пескарев.

На лифте они поднялись на пятый этаж, и Люся достала из сумочки ключик.

— Только ты извини, у меня в квартире беспорядок, — виновато тихим голосом сказала она, — домработница поступила в техникум, а я никак времени не выберу, чтобы прибрать все.

— Ничего, ничего! — успокаивал Жора.

Она усадила его на тахту и мимоходом спросила:

— Ты, наверное, с дороги-то хочешь есть?

— От тарелки горячего супа не отказался бы! — с подкупающей прямотой признался он, и Люся тотчас отправилась хозяйничать на кухню.

Жора огляделся. Бросился в глаза давно не мытый пол, пыльные шторы на окнах. «А Люся-то, видать, не очень любит домашним хозяйством заниматься», — усмехнувшись, подумал он. В это мгновение из кухни донесся вопль Люси: «Ой, палец порезала!» Жора поспешил туда. Девушка жалобно причитала:

— И когда это научатся картошку без кожуры выращивать?

— Дай-ка я почищу,— предложил Жора.

— Что ты! — Люся округлила глаза. — Разве ты сумеешь? Ведь это совсем не мужское занятие.

Жора засмеялся:

— Я на флоте столько картошки перечистил, что любой кок смог бы позавидовать.

Он принялся быстро и ловко снимать с картошки ножом тонкий слой кожуры.

— Скажи, пожалуйста! — удиви-

лась Люся, наблюдая, как растет горка очищенных картофелин.

Жора, поколебавшись, разрешил себе проделать с Люсей маленькую шутку, которую когда-то давно сыграли над ним товарищи по кораблю.

— Готовь макароны к супу, — сказал он ей.

— А они готовы! — Люся потрясла пачкой.

— Надо же продуть их, — серьезно произнес Жора. — Кто же кладет в суп непродутые макароны?

— А! — понимающе воскликнула Люся и, округляя щеки, стала старательно продувать одну макаронину за другой.

И пока вся пачка не была продута, Жора не раскрыл рта, боясь расхохотаться.

Когда суп был заправлен, Жора деловито спросил:

— Где у тебя швабра?

— Что-что?

— Ну, не швабра, а тряпки, которыми палубу вы драите?

— А мы не драим палубу, — растерянно ответила девушка.

— Я имею в виду пол, — великодушно разъяснил Жора.

Через несколько минут он вооружился самодельной шваброй, использовав для этого комнатную щетку, налил полное ведро воды и с размаху выплеснул на пол. Люся с ногами забралась на тахту и с ужасом наблюдала за происходящим. Жора действовал решительно и непреклонно. Спустя полчаса пол блестел так, словно был натерт для бала.

— Усвоила? — поинтересовался гость.

— Усвоила, — ответила смущенная Люся.

Потом Жора обстоятельно рассказал ей о лучшем способе стирки штор. Он хотел было продемонстрировать это на деле, но хозяйка воспротивилась, клятвенно заверив его, что завтра же перестирает все, что нужно.

Она сидела притихшая, не сводя с Жоры удивленного взгляда. «Вот ты стал какой!» — говорил этот взгляд, и видно было, что урок, преподнесенный «романтиком», она запомнит надолго.

— И все романтики это умеют?" — лукаво спросила Люся.

— Настоящий романтик должен все уметь! — в тон ей ответил Жора.

— А как же штормы?

— Бывают и штормы! — Жора рассмеялся. — Море любить нетрудно, труднее, чтобы море полюбило тебя; раньше я этого не знал.

Он рассказывал, как служил после окончания десятилетки юнгой, а затем матросом на речном пароходе, как был призван потом во флот и стал минером. Говорил он скупо, и ей очень понравилась эта сдержанность, свидетельствовавшая о большой скромности.

— А макароны продувать не надо! — сообщил он неожиданно, и они долго смеялись над ее «героическими» усилиями.

Мне остается поставить точку и на этом закончить бесхитростный рассказ о том, как мальчик-фантазер добился осуществления своей мечты и стал настоящим моряком. «А как же любовь?» — спросите вы. Насколько мне известно, Жора на этот раз не делал непроницаемого лица, а прямо признался Люсе в своей любви.

Я догадываюсь, что после демобилизации Жоры Люсе придется сменить свою фамилию на фамилию Пескарева. Фамилия не очень видная, но ведь дело, товарищи, не в фамилии. Все дело в человеке!

ХВАСТЛИВАЯ ЛИСА

ЛАНЬ БЭНЬ
Басня

Нашла обезьяна в лесу дощечку и несколько палок, сколотила скамейку и побежала на радостях к лисе: «Как, по-твоему, сделана эта скамейка?»

Усмехнулась лиса, покивала головой и говорит: «Хорошо. Давай позовем козла, зайца и медведя: пусть полюбуются, что за скамейку смастерила умница».

Позвала лиса козла, зайца и медведя. Обезьяна принесла свою скамейку; и так пробует сесть на нее и этак, ничего не получается. Все хохочут над обезьяной.

Тогда лиса встает и важно произносит: «Полюбуйтесь! У этой скамейки две ножки прибиты сверху, а две снизу. Какая же это скамейка?! Обезьяна! Неси пилу и молоток». И лиса тут же исправила скамейку как надо и, довольная, уселась на нее. Все захлопали в ладоши и закричали: «Все-таки лиса самая умная среди нас! Ха-ха! А обезьяна — до чего она глупа!»

А обезьяна подумала про себя: «Почему же лиса раньше не указала мне на мою ошибку?»

Перевел с китайского С. МЕЙЗЕРОВ.

УСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС

З. ЮРЬЕВ, С. ЩЕРБАТОВ

Рисунок Е. ГУРОВА.

Каждый раз, когда Петр Иванович подходил к ярко освещенному входу на каток и видел перед собой огромный щит с объявлением «100 000 квадратных метров льда», у него начиналась нервная дрожь и сердцебиение.

«Боже мой, — тоскливо думал он, — какой метраж! И каждый метр изволь отполировать своим телом!..»

Месяца полтора назад врач укоризненно шлепнул его по животу, похожему на желе от заливной рыбы, и сказал:

— Животик-то нужно будет убрать!

— Куда? — испуганно спросил Петр Иванович.

Врач строго посмотрел на него и продолжал:

— Придется вам ходить на каток.

— Может быть, лучше диета или пилюли там какие-нибудь? — робко взмолился Петр Иванович. — Я ведь, знаете, сроду на коньках не стоял.

Но доктор был неумолим. С этого дня и начались муки Петра Ивановича: уж очень неспособным учеником он оказался.

— Скользкое какое-то занятие, — нашел он в себе силы пошутить, зацепившись коньком за руку и упав в первый раз.

Растянувшись вторично, он уже менее уверенно пробормотал:

— Тише едешь — дальше будешь.

А когда воткнулся головой в сугроб на краю катка, то вовсе ничего не сказал.

Не помогли ему и саночки. Стоило только подтащить его к ним, как он тут же переворачивал их на себя.

— Да вы сначала одной ногой отталкивайтесь, а потом второй, — сдерживая раздражение, объяснял ему инструктор.

— А я что, простите, третьей отталкиваюсь? — ехидно спрашивал Петр Иванович, вылезая из-под саночек.

Искусство скольжения на двух металлических полозьях начинало казаться ему уделом лишь избранных, мечтой далекой и так же неосуществимой, как, например, полет на Марс.

Вот и сейчас, лежа на боку, он деловито уцепился за ноги проезжавшего мимо него юноши и, кряхтя, поднялся, высматривая местечко для очередного падения.

— Нет, это дело надо бросать! — пробормотал он и с завистью подумал о людях, которые могут спокойно умереть в своей собственной комнате, окруженные подписными изданиями, родными и лекарствами. «Ведь до чего дожил! В баню совсем ходить перестал. Стыдно! От синяков все тело, как у леопарда!..»

Он уже совсем было собрался лечь, чтобы ползком пробираться к выходу, как вдруг откуда-то спереди послышался знакомый голос:

— Петр Иванович, вот уж не думал вас здесь встретить!

Сердце Петра Ивановича гулко забилось. Прямо перед ним, метрах в двадцати, стоял его начальник. Повернув голову и призывно махая рукой, он кричал:

— Езжайте сюда быстрей, мне кое о чем нужно с вами поговорить!

«Не могу!» — хотел было крикнуть в ответ Петр Иванович, но вдруг почувствовал, что тело его привычно согнулось, рука крепко сжала воображаемую папку «Для доклада», и он помчался. Да, да, он ехал, отталкиваясь то одной, то другой ногой, он несся со скоростью птицы на призывный клич начальства. Подъехав, лихо затормозил, поклонился и сказал:

— Слушаю вас...

ПРОБУЖДЕНИЕ КОРЯКСКОЙ СОПКИ

После извержения в 1896 году Корякская сопка успокоилась, в последние десятилетия она почти не подавала признаков жизни. Но в декабре прошлого года над главным кратером этого вулкана появились струи пара. Активизация газовой деятельности Корякской сопки интересна тем, что она наступила внезапно, когда местные жители уже привыкли видеть вершину сопки чистой.

На снимке: Корякская сопка в январе 1957 года. Справа видна вершина Авачинского вулкана.

И. ЯКОВЛЕВ
Фото автора.

Петропавловск-Камчатский.

По последним сведениям, полученным лабораторией вулканологии Академии наук СССР, усиление деятельности Корякской сопки выразилось в выбросах пепла из кратера на высоту до пятисот метров. По ночам над вершиной сопки видно огненное зарево. За вулканом ведет наблюдение местная вулканологическая станция.

Б. И. ПИИП,
доктор геолого-минералогических наук.

Матч М. Ботвинник—В. Смыслов

В 1933 году, когда М. Ботвинник играл свой первый международный матч с автором этих строк, за матчем по отчетам в «Пионерской правде» следил московский школьник Вася Смыслов. Его научил играть в шахматы отец, а затем на способности мальчика обратил внимание Московский дом пионеров.

Через несколько лет я проводил сеанс одновременной игры, перед началом которого меня предупредили: «Вот, смотрите, там сидит высокий светловолосый паренек, он бьет всех сеансеров!» Я поблагодарил за предупреждение, но... также проиграл.

М. Ботвинник и В. Смыслов многократно встречались за шахматной доской. В 46 партиях счет в пользу М. Ботвинника + 14, —10, 22 ничьих, но большинство партий сыграно в то время, когда В. Смыслов был менее опытен. В последние годы шансы сторон уравнялись.

В первой матчевой встрече был победителя, но не было побежденного, так же как и в матче М. Ботвинник — Д. Бронштейн. Ничьи в этих соревнованиях удивляют многих. Но ничего удивительного, по существу, нет. Чемпион мира встречался с равными противниками. М. Ботвинник объективно признал, что в наше время чемпион мира не является «экстраклассом» и что есть несколько гроссмейстеров мирового масштаба. Ими в первую очередь, по мнению чемпиона мира, являются В. Смыслов и Д. Бронштейн.

В 1954 году В. Смыслов на старте «подал очень робкий голос»: после пяти партий он набрал всего пол-очка. И вот вторая встреча, в том же зале, на той же эстраде в зале имени Чайковского. Уже в первой партии В. Смыслов «намекнул» на то, что разговор будет очень серьезный.

М. Ботвинник учит, что шахматист не должен попадать в такой цейтнот, когда «голова не знает, что делает рука». На последний, 40-й ход надо себе оставлять минимум пять минут. О, если бы все прислушивались к этому хорошему совету! К сожалению, теория и практика нередко расходятся. На этот раз сам доктор Ботвинник попал в жестокий цейтнот и на 40-й ход у него осталось не пять минут, а, вероятно, пять секунд! Чемпион мира сделал первый попавшийся ход, и... можно было сдаваться. Это и произошло на следующий день. А между тем при лучшем ходе имелись шансы на спасение партии.

Во второй партии ничего особенно волнующего не произошло. Еще спокойнее было в третьей партии, в которой М. Ботвинник некоторое время хотел использовать свое микроскопическое преимущество. Но так у В. Смыслова не выиграешь! С ним нужны более решительные меры. Впрочем, молчу: подсказывать нельзя! Для этого у каждого из участников матча имеется тренер и секундант. В чем их функция? Тренировка своего подопечного перед матчем, наблюдение за спортивным режимом, изучение партий, стиля противника. Во время матча — подготовка к очередной партии, анализ отложенных партий. Секундант, конечно, всей душой переживает за «своего». Когда анализ убеждает участника матча, что надо сдаваться, то одной из неприятных функций секунданта является набрать номер телефона арбитра матча или члена судейской коллегии и сообщить ему: «Мы сдаемся».

После трех партий В. Смыслов со счетом 2:1 удачно стартовал. Выводы? Никаких выводов, никаких прогнозов!

Борьба будет острой. В. Смыслов славится своим спокойствием, но и М. Ботвинник не из слабонервных.

Сало ФЛОР

Монеты Египетской Республики

Золотые монеты в 1 и 5 лир (гиней) вычеканены в 1955 году в память трехлетия революции 1952 года. На лицевых сторонах монет дано характерное для древнеегипетского искусства изображение фараона Рамзеса II, стреляющего из лука, на колеснице; вверху — иероглифическая надпись «Египет»; внизу арабскими буквами — «Революция 23 июля 1952 г.». На оборотных сторонах — изображение крылатого солнца — один из символов древнего Египта — и надписи на арабском языке, означающие номинал и год выпуска монет.

Серебряные монеты в 50 пиастров (курушей) выпущены в ознаменование Дня Независимости Египетской Республики. На лицевых сторонах монет изображена фигура с факелом свободы в руке, разорвавшей оковы рабства. Надписи по-арабски гласят: «Праздник эвакуации «18 июня 1956 г.». Оборотные стороны монет примерно такие же, как у золотых.

Появление на современных монетах изображения фараона Рамзеса II не случайно. Рамзес II символизирует мощь древнего Египта. Что же касается фигуры, изображенной на серебряных монетах, то она олицетворяет собой Египет, который покончил с колонизаторским режимом 18 июня 1956 года изгнал последнего английского солдата со своей земли.

И. ДОБРОВОЛЬСКИЙ,
научный сотрудник Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.

ВОСПИТАТЕЛЬ

— Как ваша дочь?
— В науку рвется, у ней способности видны.
— И математика дается?
— Спрошу сегодня у жены...

Сергей КУКАНОВ

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин с Четвертой выставки произведений действительных членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР и четыре страницы цветных фотографий.

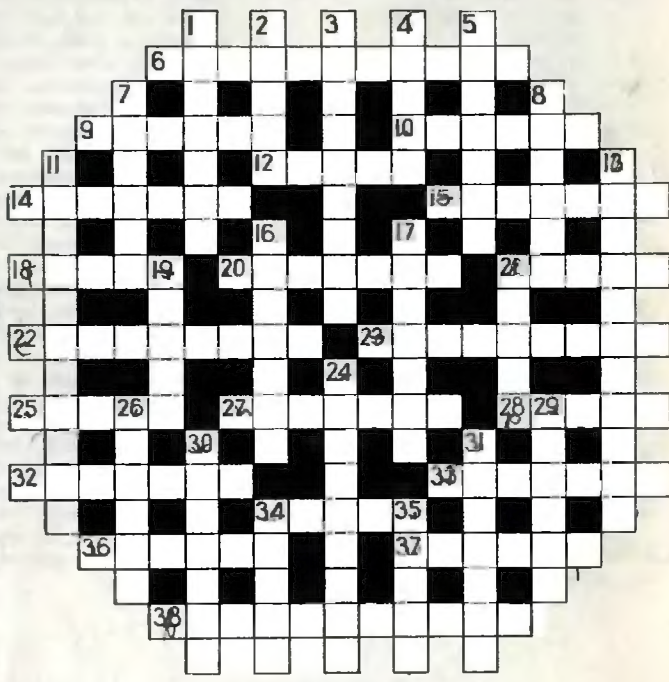
НА ЗАПАДЕ

В мастерской жреца абстрактного искусства.
— Которая же мой автопортрет?..

Рис. Е. Гурова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Ограничение места действия. 9. Столица автономной республики. 10. Римский писатель и философ. 12. Арабское государство. 14. Музыкальный инструмент у азербайджанцев, узбеков и иранцев. 15. Русский писатель. 18. Поэма А. С. Пушкина. 20. Фотографическое изображение. 21. Приток Камы. 22. Врачебный прибор. 23. Математическая дисциплина. 25. Род вечнозеленых кустарников. 27. Питомник цветник. 28. Жук. 32. Правильно сложенный ряд материалов. 33. Персонаж пьесы, написанной А. Н. Островским совместно с Н. Я. Соловьевым. 34. Коралловый остров. 36. Монета ряда стран. 37. Планета. 38. Способность фантазировать.

По вертикали:

1. Носовая часть судна. 2. Химический элемент. 3. Русский писатель. 4. Тропический плод. 5. Вид графики. 7. Народ тюркской языковой группы. 8. Период работы, заседаний представительных органов. 11. Прибор для определения удельного веса молока. 13. Возглас. 16. Млекопитающее южных стран. 17. Областной центр на Украине. 19. Узкая дорожка. 21. Сорт фетра, драпа. 24. Сумка для ружейных патронов. 26. Род пилы. 29. Огородное растение. 30. Советский инженер, изобретатель гидравлического способа добывания торфа. 31. Обследование. 34. Группа народов Ближнего Востока. 35. Арочный проем.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

1. Думпкар. 4. Тектоника. 7. Возвышенность. 10. Призма. 11. Читка. 14. Яхрома. 18. Трио. 19. Выписка. 20. Лука. 21. Пламя. 22. Толща. 23. Свет. 24. Зольник. 25. Сана. 26. Декарт. 27. Инвар. 29. Шемаха. 32. Пилотирование. 33. Всхожесть. 34. Терапия.

По вертикали:

1. Дресва. 2. Протест. 3. Ректор. 5. Кормозапарник. 6. Стихосложение. 8. Синоптика. 9. Согласная. 10. Перевод. 12. Исполин. 13. Косынка. 15. Алканна. 16. Связь. 17. Жатка. 28. Варежка. 30. Боксит. 31. Хартия.

Главный редактор — А. А. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00746. Подписано к печати 13/III 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 298. Заказ № 502.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Каждый на своей машине. Байрам Какаев — бригадир тракторной бригады 2-й Марыйской МТС, Марыйской области, Туркменской ССР, и сын его, школьник Реджен. Байраму Какаеву в феврале нынешнего года присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Фото Я. Берлинера.

Цена номера 3 руб.

